

ДЕТЕКТИВ – СОБЫТИЕ

Дуафа Бош

УЛЫБКА БОГА

Диана Борисовна Бош

Улыбка бога

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=648615

Диана Бош. Улыбка бога: Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-50660-6

Аннотация

Такое сможет пережить не каждый – из известного ювелира Илья Захаров в один день превратился в изгоя! Он мучился, пытаясь понять, кто же его подставил. Ведь у Ильи нет врагов... Или он просто о них не знает?

Александра очень тосковала по отцу, погибшему в автокатастрофе два года назад. И вдруг она случайно увидела его на улице! Но почему он скрывается ото всех, даже от своей семьи?

Старший оперуполномоченный Лямзин сразу поверил Александре и был рад помочь любимой женщине. Он понял – дело в старинном византийском кресте, который Илья Григорьевич оценивал незадолго до своего исчезновения...

Судьба часто подает нам знаки. Главное – вовремя заметить их и сделать правильный выбор до того, как будет слишком поздно что-то исправить...

Содержание

Два года назад. 2 декабря	4
Глава 1	10
Глава 2	33
Глава 3	60
Глава 4	86
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Диана Бош

Улыбка бога

*Прими слепоту за ясность зрения,
а глухоту за острый слух.*

*Восприми опасность как обещание покоя,
а удачу – как вестницу несчастья.*

Избранное чаньское изречение

Два года назад. 2 декабря

«Жизнь – лишь мгновение между рождением и смертью». Александре никогда не нравилось это выражение. Первые детские победы и свежесть юношеских чувств, головокружение от любви и горечь разлуки, рождение детей и их первые шаги, стремление к совершенству и радость достижений – как можно все это вместить в какой-то краткий миг! Нет, все, кто так считает, положительно сошли с ума.

Но теперь, когда она стояла у разверстой могилы отца, ее уверенность в своей правоте была изрядно поколеблена. Она вдруг четко и ясно поняла: жизнь – это мгновение. И от безжалостной правды ей хотелось кричать.

Дрожащей рукой Александра поправила выбившуюся из прически прядь светло-пепельных волос и оглянулась на мать. Та застыла, вытянувшись как струна и упрямо сжав гу-

бы. Казалось, она и сейчас мысленно продолжает искать виновных в том, что ее Илюша теперь не с ней.

«Рано так ушел, еще бы жить да жить...»

«...трагическая случайность...»

«Мир праху его. Хороший был человек», – перешептывались люди вокруг, и Александра с трудом сдерживалась, чтобы не зарыдать.

И вдруг со стороны тропинки, огибающей участок, где хоронили отца, до нее четко донесся голос: «Как послушаешь, что говорят на похоронах, так кажется, будто умирают только святые люди. Интересно, откуда тогда вокруг столько мерзавцев?»

«Да, да, – со смешком ответил ему второй, – словно единственное спасение для мира – это воскресить всех умерших и похоронить живых».

Александра резко обернулась, но увидела только раскачивающиеся ветки бузины да ярко-красную жимолость, сомкнувшуюся за спинами двух негодяев. Мать стояла чуть поодаль, по-прежнему сощурившись и скорбно поджав губы. Александра с тревогой взгляделась в ее лицо. Услышала она или нет? Очень не хотелось, чтобы эти слова причинили ей боль, на ее долю и так выпало слишком много страданий в последние дни.

Но Зоя Павловна и бровью не повела, и Александра с облегчением отвернулась. Характер у маменьки бурный, непредсказуемый, и к резким переменам настроения она

весьма склонна. Никогда не знаешь, чего в следующее мгновение от нее можно ждать – вспышки гнева или безудержных рыданий.

Между тем гроб стали опускать в могилу. Мать, до этого выглядевшая как несокрушимая скала, вдруг покачнулась и начала оседать. Давний друг отца и его коллега Аркаша Килин тут же бросился к ней. Подхватив Зою Павловну под руки, он бережно усадил ее на лавочку, вкопанную кем-то между двумя могилами.

– Зоя, может быть, воды? – участливо спросил он, склоняясь к самому ее лицу.

– Аркаша, ты только не уходи, – мать вцепилась в его руку так, что побелели пальцы. – Побудь со мной.

Голос ее был очень тихим, Александра скорее поняла по губам, что она сказала, чем услышала. Но этого оказалось достаточно, чтобы ревность всколыхнулась в ее душе. Она покосилась на Килина и с раздражением подумала: «Прилип как банный лист».

Аркадий же ее недовольства не замечал. Впрочем он, похоже, вообще вокруг себя никого не замечал. Усевшись на краешек скамьи рядом с Зоей Павловной, он принялся ей что-то тихо нашептывать. А когда Александра нарочито громко кашлянула, он вместо того, чтобы смутиться, лишь горестно улыбнулся. Потом достал платок, высморкался и спрятал его в карман. В этот момент Александра подумала, что Килин явно нездоров: нос его покраснел, а глаза болез-

ненно слезились.

Аркадий Львович действительно плохо себя чувствовал, но не столько из-за физического недомогания, сколько от стресса, связанного со смертью друга. Он вдруг поймал себя на мысли, что отчаянно, панически боится умереть. Помнится, в молодости у него напрочь отсутствовал этот страх. Откуда же он взялся сейчас? Отчего ему так остро, мучительно страшно, будто бы это он сейчас лежит в могиле и не может выбраться оттуда.

Килин тихо всхлипнул, вытер глаза и посмотрел на Зою Павловну. Она опять безучастно глядела в пространство.

Поймав на себе настороженный взгляд Александры, Килин натянуто улыбнулся и бесцветным голосом спросил:

– А где Виктор? Что, скоро он будет?

Александра пожала плечами.

– Не знаю. По времени уже должен бы приехать. Но что-то до сих пор нет никаких известий.

Аркадий Львович глухо кашлянул.

– Ну, даст бог, появится. Не могло же с ним тоже случиться... – сообразив, что ляпнул лишнее, он испуганно вскочил. – Ты только в голову не бери!

– К чему вы это сказали, – испугалась Александра. – Вам разве известно что-то нехорошее?

– Нет, нет! Прости меня, старого дурака, болтаю что попало. Неожиданно накатило, так муторно стало. Живешь вот, живешь, не ждешь никакой гадости, как вдруг – раз! – и все

катится в тартарары, – он нервно оглянулся на Зою Павловну. – Зоинька, ты, главное, держись. Тебе сейчас нельзя духом падать, Илья переживать будет. Он же все видит оттуда!

И Килин показал узловатым пальцем куда-то вверх.

Зоя Павловна подняла него измученный взгляд.

– Да ты спятил, Аркаша, – устало сказала она. – Ничего он оттуда не видит, потому что того света нет.

– Как же нет, Зоинька? Откуда же ко мне мама недавно приходила? Видел ее, словно наяву. Стоит, улыбается, говорит: все хорошо у меня, Аркаша, не грусти.

Вместо ответа Зоя Павловна уткнулась лицом в ладони и заплакала. Плечи ее мелко тряслись, так что со стороны могло показаться, будто она смеется. Но когда она протяжно, навзрыд всхлипнула, иллюзия рассеялась.

– Слава богу, Зоя плакать начала, – облегченно вздохнула школьная подруга матери, Инна Семеновна Бабина, круглолицая и румяная, как матрешка с картинки. – Теперь ей легче станет.

– Да, – согласилась с ней высокая сухая старуха с желчным лицом и тонкими губами. С ней Зоя Павловна долгое время проработала в школе, и поэтому она считала себя едва ли не лучшей ее подругой. К Инне Бабиной, отстаивающей этот же титул, Нелли Олеговна – так звали старуху, относилась с иронией. Правда, сейчас горе Зои Павловны заставило обеих женщин забыть о своих давних спорах и помириться. – Ей лучше выплакаться. А то она все как замороженная, ни

слезинки не проронила, – Нелли Олеговна сняла перчатку и скупым жестом стерла со щеки невидимую слезу.

– Возьмите платок, – протянула ей пахнущую ромашкой салфетку Бабина и, забыв положить пакетик обратно в карман, так и застыла с желтым прямоугольничком целлофановой упаковки в руках.

Аркаша по-прежнему нашептывал что-то Зое Павловне на ухо, а она все плакала, тихонько вздрагивая плечами.

Александра тоскливо оглянулась на аллею. Ей очень хотелось, чтобы брат Виктор был рядом, но он все не появлялся... Так уж получилось, что, когда пришло известие о внезапной гибели отца, Виктор не смог сразу вылететь из Нью-Йорка. Аэропорт закрыли из-за снегопада, и ему пришлось, сидя буквально на чемоданах, слать успокаивающие эсэмэс матери и сестре. Наконец сегодня ночью брат сел в самолет, и Александра теперь высчитывала, сколько еще времени осталось до встречи. В последний раз тоскливо посмотрев на аллею, она подошла к разверстой могиле.

– Прощай, папочка, – одними губами прошептала она и, зачерпнув горсть земли, бросила ее на гроб.

Глава 1

Настоящее время

Букет был необычайно хорош. Нежные алые розы и белые остроконечные лилии-звезды среди них. Александра смотрела на цветы заворуженно. Потом прижала ладони к губам, словно хотела заглушить крик, и стремглав бросилась вон.

– Зина! Зина!!!

Секретарь вскочила и метнулась ей навстречу.

– Александра Ильинична, – растерянно пробормотала она, – с вами все в порядке?

– Откуда здесь этот букет? – резко спросила Александра.

– Так его... курьер принес. Из цветочного салона, – еще больше разволновалась Зина. – А что, аллергия у вас на них, да?

Не отвечая, Александра быстро подошла к букету и принялась осматривать его.

– Здесь была визитка? Или что-нибудь еще, может, записка какая?

– Н-нет, не было ничего, – заикаясь, ответила Зина и отрицательно затрясла головой.

– А квитанция? Где квитанция, дай мне посмотреть.

Она нетерпеливо встряхнула рукой перед носом секретаря, и та, испуганно озираясь на начальницу, бросилась искать в стопке бумаг нужную. Нашла, протянула Александре.

– Ах, да скорее же, – та буквально вырвала квитанцию из Зиначкиных рук и отошла к окну.

Пока начальница, присев на подоконник, разгадывала неразборчивый почерк, секретарь нервно суетилась рядом. Она заходила то справа, то слева, заглядывая Александре в лицо и пытаясь понять, что происходит. И, главное, нет ли в чем ее вины – вот что ее волновало больше всего. Но, конечно, Зину еще и распирало от любопытства: ей страшно хотелось узнать, чем такой милый букет мог разгневать хозяйку. А также кто таинственный отправитель, приславший цветы и тем самым – или чем-то еще? – впавший в немилость. Она ни за что бы не решилась сама об этом спросить, но ей повезло. Внимательно рассмотрев квитанцию, Александра отбросила ее в сторону и мрачно сказала:

– Сегодня тридцатое ноября. Ровно два года назад, вечером, в канун календарной зимы, у меня погиб отец. Разбился на автомобиле. Лицо и тело сильно обгорели – мы с мамой в морге с трудом его опознали. А потом на похороны кто-то прислал венок из живых оранжево-алых роз, переплетенных с белыми лилиями. Очень красивый. Венок тот был без ленты, и мы так и не смогли понять от кого он. А год спустя, точно в день гибели отца, я получила такой же букет, и не было ни записки при нем, ничего, что могло бы дать понять, от кого он. И вот сегодня – опять. Как думаешь, что это может означать?

– Не знаю, – Зина испуганно пожала плечами.

– Год назад я сама себе побоялась признаться, что присланные цветы слишком похожи на те давние, кладбищенские. Мне показалось это слишком абсурдным, и я списала все на простое совпадение. Но сейчас, как бы мне ни хотелось, я уже не могу прятать голову в песок. Два совпадения подряд – это уже система. И я должна выяснить, кто прислал мне этот букет.

Она встала и прошла по приемной. Зина следила за ней напряженным взглядом.

– Кофе? – не выдержав, пискнула она.

– Нет, спасибо.

Александра вошла в кабинет и захлопнула за собой дверь. Сейчас, когда она проговорила свои мысли вслух Зине, ситуация с венком показалась ей еще более странной. Она подошла к окну, посмотрела на падающий снег, потом закрыла жалюзи и задернула плотные темные шторы. Свет ее раздражал, хотелось побыть в темноте и одиночестве.

Александра села на диван и, расслабившись, откинулась на мягкую спинку.

Она вспоминала.

Вот отец надевает пальто, завязывает белый шелковый шарф и машет рукой на прощание. Она тогда торопилась с детьми в школу и ответила ему на бегу, даже толком не взглянув. Как же она после жалела об этом! Александре казалось: не забудь она напомнить отцу, что вечером у близнецов в школе концерт, и трагедии бы не случилось. Он бы

поспешил к внукам, а не гнал по Ярославскому шоссе в направлении Бабушкинского кладбища. Какая горькая ирония судьбы – разбиться почти у ворот кладбища.

Наверное, смерть всегда неожиданна. Даже когда из жизни уходит долго и тяжело болевший человек – это все равно шок.

Но когда все происходит внезапно, среди полного благополучия, здоровья, она ранит еще больше. Да нет, что там – это просто не укладывается в голове. Сначала Александра надеялась, что сообщение о гибели отца ошибка, и мысленно молилась, чтобы в морге оказался совершенно другой человек. А после неистово и безнадежно хотела вернуть прошлое, чтобы, вцепившись в папу, никуда его в тот день не отпустить.

Ах, если бы только так можно было сделать...

Когда-то давно Александра читала интернет-дневник девочки, разыскивающей своего отца после взрыва в метро. Девочка все время спрашивала у виртуальных друзей: «Куда мне звонить, что делать? Папа должен был ехать тем маршрутом...» Ей что-то отвечали, советовали, а она опять спрашивала, и ей опять писали...

Девочка металась между телефоном и компьютером, она мучительно надеялась на чудо, высматривая в сообщениях СМИ вести, которые могли бы перечеркнуть ее страх.

А потом она исчезла.

Последняя запись появилась спустя два часа. «Папа ехал

в том самом вагоне. Теперь я одна».

* * *

Александра зажгла настольную лампу и взяла в руки букет. Повертела, внимательно рассматривая его. Ей хотелось найти нечто, указывающее на отправителя или хотя бы наталкивающее на дельную мысль. Но в голову ровным счетом ничего не приходило.

«Какая странная причуда: присылать в день смерти отца розы и лилии, – раздраженно подумала она, – и, главное, зачем?»

Она зажгла настольную лампу и начала машинально считать цветы, притрагиваясь к ним кончиками пальцев. Оказалось их ровно тридцать: пятнадцать роз и пятнадцать лилий. С раздражением кинув букет в мусорную корзину, она подошла с ней к двери.

– Зина, вынеси, пожалуйста, мусор. И немедленно. Не хочу, чтобы это оставалось здесь.

Секретарь испуганно вскочила и, схватив корзину, понеслась с нею во двор.

«Почему – розы и лилии?» – крутилась в голове навязчивая мысль.

– Почему? – вслух сказала Александра и придвинула к себе телефон.

Трубку долго не брали. Потом наконец в ней раздался

недовольный голос матери:

– Надеюсь, ты разбудила меня по достаточно веской причине.

Зоя Павловна зевнула.

– Мама, мне прислали букет...

– О мой бог, – перебила ее маменька, патетически возвысив голос, – и из-за такого пустяка ты подняла меня ни свет ни заря!

Матушка Александры никогда особой последовательностью в суждениях не отличалась. К примеру, она могла поднять всю семью рано утром криком: «Пора вставать, лежебоки! Солнце уже печет!», и целый день после этого твердить, что только «тому, кто рано встает, бог подает». А на завтра совершенно спокойно заявить, что одиннадцать утра – это жуткая рань и вставать чуть свет она не намерена. К причудам своей матери Александра давно привыкла и выпад ее оставила без внимания.

– Ты не выслушала меня, мама. Мне прислали оранжево-красные розы и белые лилии. Помнишь, на похороны отца кто-то принес венок, и в нем были такие же цветы... Я хочу знать, может, отец любил розы и лилии? Отчего-то же именно их прислал неведомый отправитель...

В телефоне возникла гробовая тишина. Александра, испугавшись, что прервалась связь и она говорит с пустотой, осторожно напомнила о себе:

– Мам?

– Странные какие-то вопросы у тебя, – ворчливо отозвалась Зоя Павловна. – С чего бы твоему отцу цветы любить? Он, если ты помнишь, не садовником, а ювелиром был.

– Мама, ты когда-то учила нас с Витей не уходить от прямого ответа. Так и скажи мне, пожалуйста, есть ли что-либо, связывающее отца с этими цветами, или нет? Мне не понятно, почему выбраны именно розы и лилии?

– Знаешь, тебе все это мерещится. То показалось, будто на улице отца увидала, теперь вот возомнила, что он прислал тебе цветы.

– Почему ты думаешь, что я так решила? – насторожилась Александра. – Я ведь не говорила ничего подобного. Но сегодня годовщина гибели папы...

– Конечно, я об этом помню! – взорвалась мать. – А вот ты не забыла, что я в этот день всегда жду тебя с детьми у себя? Приехала бы ко мне вечером и обо всем расспросила, а не будила меня ни свет ни заря.

– Это как раз тот повод, когда можно и ночью разбудить! – вскипела Александра. – Потому что после похорон отца, если ты помнишь, мы еще долго гадали, кто прислал тот венок.

– Я не помню. И ни о чем я не гадала, ты путаешь. С Виктором, должно быть, это обсуждала, а приписываешь мне.

– Хорошо, пусть так. Год спустя, в день гибели отца, мне прислали такие же цветы. Конечно, тогда я наивно понадеялась, что это простое совпадение. Но сегодня мне опятьнесли розы и лилии! Как это можно объяснить?

На сей раз мать молчала дольше обычного. Потом отрывисто и сухо произнесла:

– Я думаю, что какой-то чудаковатый поклонник у тебя появился. Ухаживает за тобой раз в год, присылает букет и исчезает. Это, конечно, очень трогательно, но не естественно. Держись от него подальше.

– Ладно, мам, потом поговорим.

Александра с раздражением бросила телефонную трубку и встала. Глупо надеяться наскоком от маменьки какую-либо информацию получить: она всегда была скрытной. И от ответов умеет уходить гораздо лучше, чем Александра доискиваться до истины. Действительно, умнее было не звонить, а поехать самой.

В приемной Зина что-то сосредоточенно набирала одной рукой на клавиатуре компьютера, а второй успевала то и дело хватать трубку и отвечать на телефонные звонки. Увидев Александру, она многозначительно повысила голос:

– Александру Ильиничну? А кто ее спрашивает? Подполковник Лямзин?

Александра, услышав фамилию Эдуарда, сделала страшные глаза и провела ребром ладони по горлу. Зина понимающе ухмыльнулась.

– А ее нет. Будет после обеда. Куда уехала? Не знаю, мне не докладывала.

Александра кивнула и подняла большой палец, выражая одобрение.

Зина бегло улыбнулась. Она не сомневалась, что вскоре Лямзин позвонит снова и ей опять придется врать. Подобное уже происходило, когда Александра рассорилась с ним и укатила за границу отдыхать¹. Зине было решительно непонятно, как можно добровольно отказаться от общества высокого, широкоплечего, да к тому же еще и до невозможности синеглазого брюнета? И потому поведение хозяйки она категорически не одобряла. Да помани он ее, Зину, хоть мизинчиком, она бы стремглав кинулась к нему. Вот почему так несправедлива жизнь – одним все, а другим – ничего?

Зина горестно вздохнула и, выдвинув ящик стола, достала из него шоколадный батончик. Рот наполнился сладкой массой, и ей сразу полегчало. Все-таки есть в жизни приятные моменты, когда если и не чувствуешь себя абсолютно счастливой, то уж не такой несчастной, как раньше, совершенно точно. Заметив, что Александра стоит в дверях одетая в короткую белую шубку и нетерпеливо крутит в руках ключи, она вскочила:

– Вы уезжаете?

– Да. Буду часа через три.

* * *

Александра неслась на своем новеньком красном автомо-

¹ Об этом подробнее рассказывается в романе Дианы Бош «Разносчик пиццы». Издательства «Эксмо». 2010 г.

биле и вспоминала события двухлетней давности, тот день, когда она узнала о смерти отца.

Едва она зашла в дом, как услышала звонок телефона.

– Мам, ты где? – крикнула Александра и, не дождавшись ответа, схватила трубку. – Алло?..

Наверное, ее спина выдавала эмоции, а может быть, мать каким-то шестым чувством смогла все понять. Но когда Александра повернулась, Зоя Павловна стояла неподвижно, вперив в дочь застывший взгляд. И глаза ее были странно темными, словно состоящими из одних черных зрачков.

– Мам...

– Стоп! – Зоя Павловна выбросила вперед ладонь. – Я не хочу ничего знать.

Александра невольно отпрянула, но тут же, вскинув руки, как бы желая обнять мать, сделала к ней шаг:

– Мама, послушай меня... папа... умер... – Ее лицо искажилось гримасой плача, и голос прервался.

Но у Зои Павловны ничего в лице не дрогнуло. Она осталась такой же невозмутимой и бесстрашной, как всегда. Казалось, будто она мгновенно окаменела. Даже ее вечная легкая полуулыбка тоже стала похожа на ледяную улыбку мраморной статуи.

Иллюзия еще больше усилилась, когда Зоя Павловна неуклюже повернулась и на негнущихся ногах пошла в зимний сад. Она с трудом перенесла ногу через порожек и едва не упала, в последний момент удержавшись за стену.

Александра испуганно метнулась к шкафчику с лекарствами. Трясущимися руками достала корвалол, накапала тридцать капель в мензурку. Повернулась бежать к матери, но, почувствовав, как немеют лицо и руки, быстро выпила сама. Потом снова накапала лекарства, налила воды и бросилась в сад.

Нашла она Зою Павловну на качелях с большим поло-сатым козырьком. Мать сидела, сложив на коленях руки, и смотрела незрячим взглядом перед собой.

Александра, конечно, не считала себя большим специали-стом в психиатрии, но что такое кататония слышала. И ее не могла не испугать странная неподвижность матери.

– Мама, я корвалол принесла. Выпей, пожалуйста. Ма-ма! – Она повысила голос и легонько дотронулась до ее пле-ча.

Реакции не последовало. Тогда Александра слегка встрях-нула мать и так и не добившись реакции, присела и крепко сжала ее плечи в своих руках.

Зоя Павловна подняла на нее тусклые безжизненные глаза и еле слышно произнесла:

– Я знала, что это случится.

– Что ты сказала, мам? Что ты знала?

Но больше добиться от Зои Павловны ничего не удалось.

Потом был морг. Они ехали туда в гробовой тишине, мать сидела с каменным, словно у античного идола, лицом и смотре-ла перед собой в пространство. Александра то и дело огля-

дывалась на нее, переживая.

К зданию больницы они тоже шли молча, мать не отвечала на вопросы Александры, игнорируя их. Только в самой покойницкой все изменилось.

Когда работник морга, проникновенно понизив голос, сказал: «Тело сильно изуродовано, я не рекомендую вам на него смотреть», Зоя Павловна разлепила плотно сжатые губы и с вызовом ответила:

– Я буду!

Александра, подавляя дурноту, вызванную страхом и запахами формалина и мертвой плоти, посеменила за ней следом. В большом промозглом зале их подвели к каталке с лежащим на ней телом. Санитар откинул простыню, и Александра в ужасе вскрикнула: лица у трупа не было. То есть оно, конечно же, было когда-то, но сейчас, обезображенное до неузнаваемости, превратилось в месиво, покрытое коричневой коркой и гарью.

– Это не он, – безапелляционно заявила мать, едва взглянув на труп, но судмедэксперт ее прервал:

– Не торопитесь. Смерть меняет человека, тем более, такая страшная.

Александра всматривалась в мертвого мужчину, и ничего не чувствовала. Ни любви, ни симпатии, ни жалости. Ей ранее казалось, что она должна испытать трепет узнавания, но ничего подобного не происходило.

Испугавшись своего странного бездушия, она решила: это

оттого, что ее сознание не хочет принимать страшную правду о гибели отца.

Выйдя из морга, они с матерью еще питали надежду, что все происходящее ошибка. Иллюзии рассеялись, когда в милиции им отдали вещи, найденные в машине.

– Вот посмотрите. Это принадлежало Илье Григорьевичу Захарову?

– Да.

Последние сомнения исчезли, и Александра поникла. Она сразу узнала фирменную рубашку отца с его инициалами и шелковый шарфик, который она подарила ему на прошлый день рождения.

Так надежда, что все окажется нелепой ошибкой, рухнула, и пришлось признать: папа действительно погиб.

* * *

Александра остановилась на желтом сигнале светофора и машинально стала вертеть головой по сторонам, вглядываясь в лица водителей и пассажиров. Несколько месяцев назад ей вдруг почудилось, что в машине, остановившейся рядом, она увидела отца. С тех пор это стало ее навязчивой идеей. Ей все время казалось, что он где-то рядом, только она не замечает его.

– Эй, куда прешь! – гаркнул кто-то где-то близко, и она, вздрогнув, обернулась.

Толстая неопрятная бабища толкала тележку впереди себя, протискиваясь между тесно стоящими автомобилями и рискуя поцарапать их. Она грозила кулаком матерящимся в ее адрес водителям и энергично крутила указательным пальцем у виска, намекая на отсутствие у них умственных способностей. Александре почему-то стало смешно. Вот она никогда не умела так – наступая всем на мозоли, чувствовать себя при этом королевой. Тетка между тем пересекла дорогу и, втянув тележку на тротуар, размашисто зашагала прочь.

Сзади нетерпеливо засигналили, и Александра надавила на газ. Дорога шла мимо зоомагазина, где еще совсем недавно она вместе с Лямзиным покупала своим кошкам корм, и Александра невольно притормозила. Сердце сладко заныло, захотелось снова окунуться в атмосферу легкого флирта и праздника души. Все-таки Эдик был довольно мил. Во всяком случае, с ним не приходилось скучать. Но вспомнив, что именно он повинен в гибели ее подруги, она зло прикусила губу.

«Рано его прощать. Нечего расслабляться».

Эдуард Петрович Лямзин, старший оперуполномоченный уголовного розыска из убойного отдела Петровки, подполковник милиции, был ее давним поклонником. Познакомились они нестандартно: Александра попала под колеса его автомобиля². К счастью, кроме разбитых коленок и испорчен-

² Подробнее об этом рассказывается в романе Дианы Бош «Разносчик пиццы». Издательство «Эксмо», 2010 г.

ного грязью платья, ничего трагического не произошло. Потом они провели два великолепных и нескучных дня в старинном особняке, хотя для Лямзина, наверное, это были сутки полные тревог и хлопот. Он тогда почти не спал и умудрился в короткий срок раскрыть довольно запутанное дело. А она успела сполна удовлетворить свою ненасытную жажду приключений. Если бы на этом они и закончились! Тогда бы – она и Лямзин, наверное, до сих пор были бы вместе. Но providение опять столкнуло их на узкой дорожке. При расследовании очередного дела погибла близкая подруга Александры³, и простить это Лямзину она не смогла.

Да, в глубине души Александра понимала: Эдуард не виноват, у подруги просто сдали нервы. Но смириться со смертью близкого человека было тяжело, и очень хотелось найти козла отпущения.

«А ты уверена, что только поэтому рассталась с ним? – вкрадчиво спросил внутренний голос. – Может, ты просто не любила его?»

Наконец вдали показался дом матери. У него был такой веселый и легкомысленный вид – словно с картины Кинкейда, – что все, кто приезжал сюда впервые, ожидали увидеть и хозяйку ему под стать. И бывали немало удивлены, лицезрея мать Александры – чопорную, строгую, похожую на классную даму-англичанку. Кроме того, Зоя Павловна была до-

³ Об этой истории рассказывается в романе «Забытый грех» Дианы Бош. Издательство «Эксмо», 2011 г.

вольно резкой в общении и любила резать всем правду-матку в глаза.

«Наверное, я просто чего-то важного о матери не знаю? Что она скрывает от всех и даже от меня? – в который раз думала Александра, разглядывая дом. – Ну не может жилище до такой степени быть не похожим на обитающего в нем человека?!»

Она заехала во двор и выключила мотор. Взяв сумочку, открыла ее и достала телефон.

– Два непринятых вызова, – вслух сказала она. – Разумеется, от Лямзина. Эдик, что ж тебе нейдет-то?! И что мне теперь делать – не брать с собой телефон, или выключить его... А, ладно. Раз уже звонил, авось больше не будет. Успею с маман переговорить, надеюсь, это много времени не займет.

Решив так, она кинула мобильный обратно в сумочку, закрыла молнию и направилась к дому.

* * *

Зоя Павловна на кухне взбивала миксером крем.

– А, Александра, – сказала она, отрываясь от миски, – чего сейчас приехала и одна? Я же сказала: вечером. С Алисой и Митей.

– Мама, я и вечером приеду. Или ты способна вытерпеть мое присутствие в своем доме только один раз в день?

Она хихикнула и, подцепив пальцем немного жидкого теста, отправила рот.

– Не хаами, – Зоя Павловна шлепнула дочь полотенцем по предплечью, – и пойдй вымой руки!

Александра нехотя подчинилась.

«Черт меня дернул попробовать тесто, – угрюмо думала она, – теперь мама закусит удила и будет читать нотации, вместо того чтобы нормально поговорить. И все пойдет не так, как хотелось бы».

Дальнейшее ни на грамм не опровергло ее мрачных предчувствий. Когда она вернулась на кухню, Зоя Павловна стояла с воинственным видом и держала в руках мобильник Александры.

– Что это значит? – гневно спросила она. – Ты опять не отвечаешь на звонки Эдуарда? Этого изумительного человека!

– Я просто не слышала.

– Александра, не смей мне врать! Ну почему как что хорошее, так к чужому берегу, а как дерьмо, так все к нашему? – Она патетически воздела глаза к потолку. – Единственный раз приличный парень попался, так она от него нос воротит!

– Насколько я помню, ты еще совсем недавно его на дух не переносила!

– Не было такого, – парировала мать. – Ну вот чем он тебе не угодил?

– Мама, – рявкнула Александра, – ты обещала не вмешиваться в мою личную жизнь!

– Но я же тебя люблю. Кто еще скажет правду, если не я? Возьми трубку и немедленно ему перезвони.

– И не подумаю. – Александра вдруг успокоилась и, плюхнувшись на кривоногий плетеный стул, сцепила пальцы в замок, демонстрируя протест.

– Ах, вот как? Ну так я сама ему сейчас позвоню.

– А я тогда не приеду с детьми к тебе вечером. И ты будешь одна, – Александра лучезарно улыбнулась.

Зоя Павловна внимательно окинула дочь с ног до головы оценивающим взглядом и хмуро изрекла:

– Зря я тебя родила.

– Ну вот и договорились, – Александра засмеялась.

Подобные стычки происходили не впервые, и переживать из-за них она давно перестала. Совсем недавно, до ссоры Александры с Лямзиным, Зоя Павловна при каждом удобном случае едко высмеивала его и симпатию к нему дочери. А как только Александра начала поклонника избегать, мать сразу сменила гнев на милость. Она тут же заявила, что нашла наконец для себя идеального зятя, и это ни кто иной, как подполковник Лямзин.

– Тебе, конечно, это не понравится, но я все равно скажу то, что думаю... – Без сомнения, Зоя Павловна чувствовала себя уязвленной и очень хотела отомстить. – А думаю я, что моя дочь – малодушная трусиха, боящаяся прямого разговора. Что бы между тобой и Эдиком не произошло, глупо и жестоко не давать ему объясниться.

Александра строптиво дернула плечом.

– Вот как значит, уже «Эдик»? А недавно был «этот твой» и «опер Лямзин». Лихо. Но ты забываешь, что из-за него погибла моя подруга, мама.

– Твоя подруга погибла из-за себя. А Эдуард Петрович не Господь Бог, чтобы все предугадать и предотвратить, – она нарочито выделила тоном имя и отчество. Потом встала и засунула форму с тестом в раскаленную духовку. – Ну вот, теперь бисквит не поднимется. Заболталась с тобой и совсем забыла, что пора его в печь сажать.

– Ничего ему не сделается. Если он от чего и осядет, так это от шума, который ты устроила.

– Много ты понимаешь, – буркнула мать. – Давай выкладывай, чего приехала. Опять, наверное, пытаться меня будешь из-за цветов.

– Нет.

– Не-е-ет? – иронично протянула мать. – А зачем же тогда?

Она поставила на небольшой огонь молоко, добавила туда желтки, растертые с сахаром, и принялась медленно все помешивать, следя, чтобы крем не пригорел. Судя по умиротворенному выражению лица, к разговору Зоя Павловна потеряла интерес.

Александра пару секунд колебалась, наблюдая за матерью, потом решила и резче, чем хотела, спросила:

– Скажи, что ты имела ввиду, когда при известии о гибели

отца, произнесла: «Я знала, что это случится». Что ты подразумевала, мама?

Зоя Павловна на мгновение замерла, но тут же как ни в чем не бывало заявила:

– Ты ничего не путаешь? Я никогда ничего подобного не говорила.

Александра улыбнулась.

– Ах, мама, ты же сама учила нас с Витей никогда не врать.

– Что ты себе позволяешь! – Зоя Павловна с грохотом бросила ложку в мойку и убрала крем с огня.

– Бисквит сядет, – сказала Александра.

– Нет, вы только на нее посмотрите! Обвиняет мать во лжи! Я, по-твоему, виновата, что какой-то идиот присылает тебе кладбищенские цветы?! Чего ты сегодня как с цепи сорвалась?

– Мама, а почему, когда мне было всего несколько месяцев, отец оставил работу в Москве и перевез всю семью в Бронницы?

Зоя Павловна от неожиданности замолчала и застыла с раскрытым ртом. Но вскоре справилась с шоком и невозмутимо спросила:

– И как это, по-твоему, связано с предыдущей темой?

– А никак, – пожалала плечами Александра. – Это к словам о честности скорее подойдет. Я, помнится, много раз спрашивала тебя об этом, но ни разу ответа так и не получила.

Зоя Павловна опять поставила крем на огонь и начала его

сосредоточенно мешать.

– А что тут непонятного, – наконец сказала она. – Ему предложили место получше, он и переехал.

– С двумя маленькими детьми? В крошечную по сравнению с московской квартиру. Не смейся меня, мама.

– А чего ж ты не спросила обо всем этом у своего отца, пока он был жив, – вскипела мать.

– Ты же знаешь его, он всегда только отшучивался.

– Раз он не отвечал, значит, не твоего ума это дело, – желчно произнесла Зоя Павловна.

– Ты уверена, мама? Неужели я до сих пор не имею права знать – это ведь и моя жизнь тоже.

Мать сжала зубы, и на скулах ее заиграли желваки. Не глядя на дочь, она отошла к окну и, вцепившись пальцами в подоконник, напряженно уставилась в пространство. Ее прямая спина, шея и даже гладко зачесанные и собранные в строгий узел волосы, все выражало протест и негодование.

Александра молча сняла с огня заварной крем и оставила на край плиты. С болезненным интересом она наблюдала за матерью, ожидая взрыва эмоций слез или крика с обвинениями в былых обидах. Но ничего такого не последовало. Мать вдруг резко обмякла и, повернувшись, сказала:

– Садись, поговорим, – она прошла к столу и села напротив Александры. – Конечно, я сомневаюсь, что тебе будет приятно услышать о прошлом отца. О том, что мы скрывали и что тебе, в сущности, знать не следует. Но ничего не поде-

лаешь, раз ты настаиваешь, слушай. Мы уехали из Москвы, потому что у твоего отца была любовница, и не просто любовница, а роман с его непосредственным руководителем. С женщиной, от которой зависела его карьера. Она уже успела много добиться в жизни, состоялась и готова была помочь Илье подняться вверх по карьерной лестнице. Но, как ты понимаешь, для этого он должен был сделать выбор. И он его сделал в пользу семьи.

Александра вытащила из стакана салфетку и свернула из нее кораблик. Потом щелчком отбросила его от себя:

– И как ее звали?

– Да какая разница! – вспыхнула мать. – Однажды на новогодней вечеринке мы даже с ней рядом сидели. Надо же, мне и в голову не могло прийти, что у моего мужа с ней связь! А потом как-то – я уже беременна тобой была на восьмом месяце, столкнулись случайно в магазине. Я покупала продукты с Ильей, а она шла навстречу. И она вдруг таким взглядом меня одарила, что я чуть со страху не померла. Она черная вся такая, со жгучими глазами. Мне бы еще тогда, дура, понять, что не просто так ведьма на меня зыркает. Так нет же. Я сказала Илье, а он говорит: «Не обращай внимания. Горе у нее, детей она не может иметь, вот и смотрит так». Я ему и поверила. Потом только поняла, что не в детях дело: ревновала она меня к нему.

Мать встала и, осторожно приоткрыв крышку, заглянула в духовку.

– Поднялся-таки, – удовлетворенно кивнула она. – Теперь главное – не загромоздить чем. А то осядет, и тогда все труды мои пойдут насмарку.

Глава 2

– Ричард, апорт! – Настя засмеялась и, размахнувшись, швырнула палку так далеко, насколько могла.

Собака бросилась бежать за ней. Уши пса подпрыгивали в такт скачкам, морда улыбалась, а хвост задорно торчал вверх.

– Ах ты моя собачка, умничка мой, – девушка ласково потрепала боксера по холке, когда он прибежал назад. Вынула палку из пасти, и только собралась кинуть снова, как услышала радостный вопль Александры, выскочившей из машины:

– Настя-а!

Ричард тут же весело гавкнул и побежал навстречу – целоваться.

– Не бойся, он не укусит, – заверила Настя, подбегая. – Такой дуралей, всех любит.

– У тебя, Настя, не может быть злобного пса, – засмеялась Александра.

– Слушай, Алексаша, здорово, что ты приехала! А я недавно вспоминала тебя, вот, думаю, давно не виделись, пора бы уже и встретиться. А ты машину сменила, да? Я даже не сразу поняла, что это ты, помню же, другая тачка была.

Непосредственность всегда была главной чертой характера Насти, и это придавало ей особое очарование.

– Ничего, что я без предупреждения? Была рядом, очень захотелось увидаться, – спросила Александра.

– Правильно сделала, что приехала. Ричард, домой! Все, идем ко мне, у меня такой кофе – закачаешься.

– Настя, а я точно не помешаю?

– Алексаша, ты с годами такой занудной становишься, – она взяла ее за руку и потащила по направлению к дому.

Ричард бежал впереди, весело скалясь, то и дело оборачиваясь и нюхая чужие следы.

– Как Лиза? – спросила Александра.

– В садике. А муж на работе. Так что нам никто болтать не мешает. Слушай, как удачно ты ко мне сегодня заглянула! Я ж последнее время с работы не вылезаю, а тут взяла, да и забила на все. Дай, думаю, возьму отгул. Как тебе Ричард? – без всякого перехода спросила Настя.

– Красавец. А куда делся твой дог?

Настя тяжело вздохнула.

– Знаешь, что я тебе скажу? Надо чаще встречаться. Мой Бася уж полгода как помер.

Александра ахнула:

– Отчего?

– От старости. Ты помнишь, он у меня седой уже весь был. – Настя всплакнула и промокнула слезы перчаткой. – А, да ладно. Ты не представляешь, как я его хоронила. Сама землю рыла и редела белугой.

– А муж твой что ж? Почему не помог?

– Лешик? Дождешься от него. «Вытащи на свалку», говорит. – Настя передразнила мужа. – Ну, я плюнула, засучила рукава, подсунула под Басю лямки и потянула его во двор. Ташу и плачу. И Басю жалко, и себя – он же тяжелый был, девяносто килограммов весил. Еле доперла. В левом углу сада яму вырыла и похоронила свою собаку. Когда Лешик с работы пришел, я уже все закончила. Две недели проревела, никак успокоиться не могла. А потом ко мне это чудо приблудилось, – она потрепала пса по холке. – Тощий как жердь, тазобедренные кости и позвоночник торчат, уши в клещах, кожа в струпьях. Еще и избитый весь. Я его сразу в ветеринарку повела, вылечила, откормила. Объявления везде, где можно, дала, думала, хозяин найдется. Но никто не откликнулся. Так у меня Ричард и остался. Правда, он классный?

– Очень. И ушки такие симпатичные.

– Ага, мне тоже больше некупированные нравятся. Хорошо, что сейчас новые стандарты породы приняли, по которым ни хвосты, ни уши не купируются. – Настя открыла калитку ключом и пропустила вперед Александру. – Заходи.

Ричард с радостным лаем ворвался во двор и побежал к дому скачками, утопая в снегу.

* * *

Настя жила в старом частном секторе на окраине Москвы и все время переживала, что уже в следующем году дом обя-

зательно пустят под снос: город-то разрастается. Пока участь эта ее обходила стороной, но к переезду в какую-нибудь высотку здесь же Настя была морально готова.

Из входной двери пахло жилым теплом, и Александра невольно заулыбалась. Сколько было проведено здесь счастливых часов. За детскими играми и позже – за невинной болтовней. Раньше они часто общались, но с замужеством Насти все изменилось. Александра до потери пульса невзлюбила Лешика, Настиного мужа, и он ответил ей взаимностью.

Подруги стали видеться все реже и реже, пока наконец встречи почти не прекратились. Александра даже звонить стала редко из-за того, что часто трубку брал Лешик. А если даже отвечала сама Настя, он крутился рядом и мешал им разговаривать, то и дело влезая в беседу и комментируя слова жены.

Изменилось все недавно, когда Настя заподозрила мужа в супружеской измене. Она не стала делиться с ним своими подозрениями и выспрашивать, что да как. Решила просто последить за его поведением. Но Лешик, словно почувствовав, что не все ладно в его семье, вдруг стал предупредительным и ласковым. Домой теперь он приходил вовремя, нигде не задерживаясь, а по дороге обязательно покупал коробку конфет или цветы. Настя рассказывала об этом со смехом, и Александра, слушая ее, думала, что подруга не верит в измену мужа. Она искренне радуется тому, что Лешик стал таким милым.

Настя поставила на огонь турку, насыпала туда сахара и подмигнула Александре:

– Сейчас приготовлю кофе по-богемному. Пробовала?

– Нет. А как это?

Настя засмеялась.

– Не знаю, может, я изобрела велосипед, но нигде такого рецепта не встречала. Придумала сама. Сначала насыпаем на дно турки сахар, расплавляем его до светло-коричневого цвета. Вот так, – она показала пузырящуюся лавообразную массу на дне. – Главное, не сжечь, а то горько будет. А потом уже льем воду и засыпаем мелко смолотый кофе. И главная фишка – в конце варки добавляем ваниль и молотый имбирь.

Она сняла джезву с огня и разлила напиток по чашечкам.

– Ну как? Нравится?

– Очень, – Александра зажмурилась от удовольствия.

Настя, медленно прихлебывая кофе, наблюдала, как подруга пьет. Но едва Александра закончила, протянула руку:

– Можно?

– Бери.

Настя взяла чашечку и повертела ее в руках, внимательно разглядывая узоры.

Александра ждала с интересом.

Подруга, высокая, тонкая, вся в черном, с волосами, вы-

крашенными в иссиня-черный цвет, на обывателей производила впечатление демоническое. Особенно ее «любили» бабушки. Они сначала тарасились на Настю, широко открыв глаза и рот, а потом, издав сдавленный писк, судорожно крестились и пускались наутек, скороговоркой шепча молитвы.

Александре же было абсолютно все равно, как выглядит Настя – она любила ее всякой. Потому что добрее и отзывчивее человека, чем она, не существовало в всем мире.

– Э, да тебя никак беда ко мне привела, – проронила наконец Настя, продолжая разглядывать кофейные потеки на стенках чашки.

– Насть, да ты что! Какая там беда, – Александра отмахнулась и смущенно отвела глаза.

– Ладно, я не так выразилась. Не беда – проблема. Мужчина. Из прошлого...

То, что подруга обладает определенными способностями, Александра знала, и именно из-за этого приехала сегодня к ней. Ей хотелось, чтобы Настя или подтвердила, или опровергла ее подозрения. А главное – страхи: они измучили ее. Появившееся некоторое время назад чувство, что отец жив, постепенно переросло в уверенность. Теперь ночи не проходило, чтобы он не снился Александре. Она просыпалась в холодном поту и не могла потом целый день найти себе места, испытывая чувство вины. Если он жив, то где живет? Почему не дает о себе знать? А может, он болен и ему нужна помощь?

Она пыталась сама заглянуть в прошлое и будущее – раньше ей это удавалось, но поняла, что не может справиться с эмоциями. Горячее желание, чтобы папа обязательно оказался жив, мешало ей увидеть истину.

Однако сказать, что она приехала после долгого перерыва только для того, чтобы Настя помогла ей, было неловко. Вроде бы она здесь потому, что есть нужда, а то бы еще долго в гости собиралась. Но это, разумеется, не так. Александра скучала по Насте и приезжала бы гораздо чаще, если бы не ее противный супруг.

– ... и этот мужчина... – Настя помолчала, взглядываясь, – э, да это родственник какой-то, что ли?..

– Отец, – прошептала Александра.

Настя оторвалась от созерцания чашки и удивленно расширила глаза.

– Но он же умер...

– Да. Погиб. Я так и думала до недавнего времени. А вот теперь у меня появились в этом сильные сомнения.

Глаза Насти азартно загорелись.

– А хочешь, я тебе карты на него разложу?

Она любила всякие тайны, гадания и мистические ритуалы и была в этом большим знатоком. Когда дело касалось чего-либо мистического и таинственного, попробовать открыть эту тайну было для нее самым большим удовольствием.

– Хочу. Очень хочу, Насть.

Александра уже как-то раз спрашивала у известной гадалки, что произошло с отцом и жив ли он. Но получила весьма расплывчатый ответ. Гадалка сказала, что не видит его ни среди живых, ни среди мертвых. Это посеяло в душе девушки еще больше сомнений, и сейчас от общения с Настей она ждала чего-то такого, что помогло бы ей успокоиться и принять решение. Идти же еще раз к той же самой гадалке она не желала, да и это казалось ей неправильным. Инстинктивно Александре хотелось отгородиться от нее. Другое дело – Настя: с ней можно быть откровенной и рассказывать все, не таясь.

Подруга поманила ее за собой. Они вошли в маленькую комнатку, эдакий будуар колдуньи, и Александра ахнула от изумления. Комната в сине-черном бархате с магическими символами и жезлами на стенах разительно отличалась от той, какую она помнила. Настя зажгла свечи и задвинула плотно шторы.

– Сейчас проведем сеанс ясновидения, – она довольно засмеялась.

– Я хотела узнать... – начала Александра, но Настя ее резко прервала:

– Не надо! Я сама все расскажу. Ты отдыхай.

Она достала хрустальный шар, положила его перед собой и стала вглядываться, водя над ним руками.

Александра расслабилась, прикрыла глаза и незаметно для себя отключилась. Сколько пролетело времени, она не

заметила, как вдруг до нее донесся голос:

– Э-эй, просыпайся!

– А я заснула, что ли, – испугалась Александра, вскакивая, – что это со мной?

Настя засмеялась.

– Не пугайся, у меня здесь все засыпают. Место такое, аномальное. Но это если расслабиться. А если мобилизоваться, то, наоборот, энергией переполнишься до краев и будешь видеть сны, будто наяву. Я потому себе здесь кабинет и соорудила.

Она перетасовала карты и протянула их Александре.

– Сдвигай колоду и снимай первую. Сейчас погадаю, а потом все сразу расскажу, что увидела.

Настя поместила карту, вытянутую Александрой, в центр, потом быстро разложила остальную колоду по кругу – шестиконечной звездой и, взглядевшись в них, сказала:

– Знаешь, мне хоть и странно это, но по всему выходит, что он живой. И встреча у тебя с ним была совсем недавно, – она недоуменно развела руками и посмотрела на подругу.

Александра кивнула:

– Да. Я заметила папу, когда он расплачивался с таксистом⁴. Увидела его со спины, поэтому уверенности, что не ошиблась, не было. Но я все равно очень быстро пошла к нему, почти побежала. И вот, когда между нами оставалось

⁴ Подробнее об этом рассказывается в романе «Забывтый грех» Дианы Бош. Издательство «Эксмо», 2011 г.

чуть более двух метров, он вдруг повернулся, и мы встретились глазами, – она судорожно сглотнула, – понимаешь, Насть, я видела его глаза, и готова поклясться: он узнал меня. Я уверена в этом, Настя!

Она замолчала и, схватив обрывок блокнотного листка, принялась нервно мять его. Глаза ее увлажнились, и Александра рассеянно уставилась в окно.

– Ну и что было дальше? – не выдержав, поторопила ее Настя.

– Это длилось мгновение, а потом он повернулся и быстро ушел. Я сначала опешила от удивления: слишком родные у него были глаза, чтоб вот так молча повернуться и уйти, а потом решила все-таки с ним поговорить. Кинулась следом, но не догнала. Он словно растворился в толпе. Насть, ну как это может быть? Если он жив, то почему не дает о себе знать? А если он потерял память, то кто тогда тот человек, с которым я столкнулась? Он явно узнал меня, а не скользнул взглядом как посторонний. И кого мы похоронили? Насть, я очень скучаю по папе, мне его постоянно не хватает. То и дело ловлю себя на мысли, что думаю о нем, как о живом: а что бы сказал папа, а как бы он поступил? Может быть, он потому и мерещится мне? Им я просто схожу с ума?

– Ну ты думай, что говоришь? – Настя постучала себя кулаком по лбу. – Несешь невесть что, как маленькая прям. Рассказывай давай все свои глюки, будем разбираться с ними.

– Да ничего особенного. Просто мне показалось, что в машине, остановившейся рядом на перекрестке, сидел отец. Я стала окно открывать, чтобы рукой ему помахать, а автомобиль тронулся и уехал. В общем, ерунда, бред.

– Ясно. Это все?

– Да. Почти. Остальное не важно.

– Алексаша, я же просила: говори все. Как доктору на приеме.

– Ладно, – вздохнула та. – Не знаю, важно ли это, но полгода назад я была в гостях у одной ясновидящей. Спросила у нее об отце. Так вот, она мне сказала, что не видит его ни среди мертвых, ни среди живых.

Настя вздрогнула и судорожно всмотрелась в карты.

– Как же так, я не могла ошибиться, – бормотала она, – вот авария, потом отсутствие, разлука. Вот дорога поздняя, потом дорога дальняя, мелкие неприятности – не вижу большой беды. Дальше – перемена места, возможно, другая страна. Ждет он чего-то, боится спешки... А фото отца у тебя есть? Хочу точнее посмотреть.

Александра согласно кивнула и, потянувшись к сумочке, открыла ее.

– Конечно. Вот, – она достала из кошелька маленькую фотокарточку на паспорт – такая пойдет?

– Вполне, – Настя положила фото перед собой и начала вглядываться в него, потом провела кончиками пальцев по поверхности и сделала несколько пассов руками, словно

ощупывая что-то невидимое в воздухе. – Он жив, – медленно сказала она. – Это совершенно точно. Но его словно что-то скрывает, как покрывало полупрозрачное или дымка. Я вглядываюсь в его лицо, а оно все время тает перед глазами, ускользает.

Она болезненно поморщилась и надавила пальцами на веки, пытаясь снять жжение и боль.

– А что это такое? Что за полог? – спросила Александра.

– Не знаю. Сейчас попробую еще раз посмотреть.

Настя положила ладони на снимок и закрыла глаза. Сидела она так долго, при этом у нее стало такое сосредоточенное и напряженное лицо, что Александра боялась не только пошевелиться, но даже дышать. Тихо как мышка, она замерла на стуле и не изменила позы, даже когда почувствовала, что у нее задеревенела спина.

Наконец Настя заговорила:

– Лес. Река. Нет, скорее это озеро... Дом... Небольшой сруб, очень старый. Запах такой... ветхий идет от дома. Вижу мужчину, он будто из печи что-то достает...

– Отец? – ахнула Александра.

Настя вздрогнула и открыла глаза.

– Ну вот кто тебя просил орать? Все пропало, – она расстроенно моргнула, – я уже не смогу снова в это состояние войти.

Александра так огорчилась, что чуть не заплакала.

– Насть, извини. Я дура.

– Да ладно. Со всеми бывает, не парься.

– Но кого ты видела? Если это не отец, то кто?

Настя задумалась, вспоминая видение.

– Он пожилой. Во всяком случае, старше твоего папы, это совершенно точно. Я разглядела его ссутуленную спину и седые тонкие волосы. Илью Григорьевича прямо не видела, не буду врать. Но точно знаю, что он там был.

– Что с ним? Как жаль, что ты не разглядела.

– Если бы ты еще немножечко помолчала, может быть, я и успела бы разобраться. Хотя я тебя понимаю: все не выдерживают, начинают вопросы задавать. Теперь в следующий раз будешь сидеть тихо-тихо, пока я не закончу и не открою глаза. Поняла?

– Ага.

– И еще. Мне сейчас вот какая мысль в голову пришла. Думаю я, твоего отца м?ороком укрыли.

– Как это?

– Есть такой заговор, если над человеком его прочитать, то никто его долго видеть не будет. Нет, не в прямом смысле слова, разумеется. Это было бы просто замечательно, но такого еще не изобрели. А после морока на человека смотрят, но не видят. Как будто не узнают или внимания не обращают. Вроде бы он есть, не невидимка, а никому до него дела нет.

– П-ф, – Александра ошалело потрясла головой, – Настя, как это? Я ничего не понимаю.

Анастасия вздохнула.

– Никто не понимает. Я и сама толком не знаю – как. Но бывает такое. Заговор очень древний, я о нем от бабушки слышала. Но сама никогда в действии не видела. Да и делать бы ни за что не взялась.

– И это что, на всю жизнь, убрать никак нельзя?

Настя хихикнула.

– Алексаша, ну ты даешь! Я тебя прям не узнаю. Ты же вроде бы раньше всем этим интересовалась и какими-никакими способностями обладала. Чего ж не развиваешь, не читаешь по эзотерике ничего?

– Ах, да некогда мне, – устало отмахнулась Александра, – развивать. Они у меня только спонтанно проявляются. – Этим нужно или заниматься постоянно, или совсем не заниматься. Ты лучше сама все объясни.

– Ладно. Видишь ли, на всю жизнь заговоры не делаются. Во всяком случае, мне такие сильные колдуны не встречались.

– Может, я все-таки ошиблась, и мужчина действительно просто был на папу похож, – буркнула Александра.

– Ну, может. Я ни на чем не настаиваю. Но ты сама просила сказать, жив ли твой отец, и мой ответ: да.

Александра встала и уже собралась уходить, как вдруг вспомнила.

– Я же забыла тебе рассказать! – воскликнула она. – В тот самый день, когда я на дороге увидела папу, расплачивающегося с водителем такси, вечером мне на электронный ящик

пришло письмо. В нем человек, представившийся моим отцом, писал, что жив, но не может пока открыто признаться в этом.

Глаза у Насти оживились:

– Нет, ну я тебя умоляю! Что ж ты мне голову-то моришь, а? Почему сомневаешься все время?

Она забежала по комнате, всплескивая руками и возмущаясь. Александра слушала ее молча. И только когда подруга затихла, выплеснув эмоции, сказала:

– Насть, понимаешь, я не уверена, что это папа писал. Текст письма простой и короткий, электронный адрес, с которого оно пришло, – незнакомый, а почерк, как ты понимаешь, в интернете не разглядишь.

Настя озадаченно спросила.

– То есть ты сомневаешься, что это писал Илья Григорьевич?

– Сперва я жутко обрадовалась, когда прочитала его. Но потом первый восторг схлынул, и я начала сомневаться. Ну почему папа ни словом, ни полусловом не дал понять, что это именно он? Неужели это так трудно? Мой адрес есть в интернете, любой мог послать письмо.

– Ну, а вдруг у него просто не было времени пространно писать?

Александра пожала плечами.

– Позже бы написал. Нет, тут что-то не то.

Настя машинально села за компьютер, включила его и

только потом спохватилась:

– А ты емелю-то его помнишь? Ну, электронный адрес то есть?

– Да, – Александра склонилась к столу и быстро написала: «1234qwerasdf» – На mail.ru.

– Как ты эту ерунду запомнила? – ошалело посмотрела на нее Настя.

– Да все очень просто: первые четыре клавиши трех рядов сверху. Клавиатуру я знаю хорошо, так что мне трудно перепутать.

Настя помрачнела.

– Ох, не нравится мне это.

– Почему?

– Да потому что такие странные имена емелькам дают, только когда пользоваться почтовым ящиком больше не собираются. – Она застучала по клавишам, – дальше – «mail.ru»?

– Нет, list.ru. Что ты собираешься делать?

Настя хохотнула.

– Что-что... Взломать! Меня Лешик научил кое-каким штучкам. Он хоть и малахольный временами бывает, но голова у него работает хорошо.

Когда программка начала перебирать варианты паролей, Настя встала и взяла с полки компьютерного столика шоколадку. Потом переломила ее пополам и не глядя сунула одну часть Александре.

– На, бери.

Та вдруг почувствовала сильный голод и с тоской вспомнила малосольные огурчики, которые купила недавно в супермаркете – они сейчас томились в холодильнике в ожидании ужина.

– Чего не ешь? – спросила Настя.

– Не хочется.

– Ну и зря, – она засунула шоколадку в рот и с наслаждением закрыла глаза. – Ммм, вкуснотища.

– Долго еще ждать?

– А ты что, торопишься? Пока все словарные варианты переберет, много времени может пройти.

Александра отложила так и не надкушенную шоколадку в сторону:

– Насть, мне ехать надо. Скоро дети из школы придут.

– Нет, я так не играю... – Настя искренне огорчилась. – А я-то думала, что мы еще чаю успеем попить, поболтать о том о сем. Теперь ты снова надолго пропадешь, и я буду скучать.

– Обещаю – в ближайшие выходные я у тебя. Если твой Лешик не имеет ничего против.

Настя подмигнула:

– Он будет только рад.

– Да?! И почему же это?

– Ты знаешь, он та-а-ак изменился! – Настя многозначительно закатила глаза. – Если честно, я уже хотела с ним разводиться, чуть заявление в суд не отнесла. Тянула все, пото-

му что думала: как же Лизка будет без отца? И тут его будто подменили. Нет, что ни говори, а бывают в жизни чудеса!

Александра покосилась на счастливое лицо подруги и ничего не сказала. Ее бы такое поведение собственного мужа, если бы он у нее был, обязательно насторожило: раз так внезапно и сильно изменился, значит, тому есть веская причина. Может быть, он что-то скрывает и боится, что жена может его тайну узнать.

Но Настя выглядела такой счастливой, что «открывать ей глаза» и опускаться с небес на землю решительно не хотелось.

– Ладно, поезжай. Если мне удастся пароль к ящику твоего отца подобрать, я тебе его сразу на твое «мыло» вышлю.

– Договорились. А точно удастся?

– Сама не смогу – еще кого-нибудь попрошу.

* * *

Целый день у Александры крутились в голове слова Насти. Ей казалось, что она старательно складывает мозаику из цветных кусочков и никак не может подобрать все детали. Упускает нечто важное, ценное, лежащее на поверхности и не замечаемое ею самой. И лишь потому головоломка не сходится.

Вечером выходить из дому не хотелось. Но при мысли о том, что скажет мать, когда услышит об отказе приехать, ей становилось физически плохо. Стандартный набор фраз был

такой: «Ты безалаберная. У тебя все не как у людей. Ты всегда была ленивой. За что только тебя дети любят?!» Последний вопрос был, разумеется, риторическим, и на него не стоило отвечать.

Александра вздохнула. Выслушать все это, да еще чувствуя, что действительно не права – она была не в силах.

– Едем к бабушке! – изображая веселость, объявила она.

– Мам, я не поеду, – тут же заныла Алиса. – Мне для школьного концерта танец надо отрепетировать.

– Потом отрепетируешь.

– Мам, я хотел по телеканалу «Дискавери» передачу о Марсе посмотреть, – заскулил Митя.

– В другой раз посмотришь. Да и диск можно купить.

– Ну ма-а-м, – Алиса.

– Пожалуйста, мама, – Митя.

– Все! – гаркнула Александра, в отчаянии закрывая уши руками. – Это не обсуждается! Быстро собрались и поехали!

Алиса и Митя уныло поплелись одеваться.

– Бабушка приготовила ваш любимый бисквитный торт! – крикнула им вдогонку Александра.

Это подействовало, но слабо: дети лишь слегка ускорили шаг.

* * *

Заснеженная обледенелая трасса вызывала злость. И по-

токи машин, и отвратительно медленное движение – все бесило. Александра сжимала до боли в ладонях руль, чувствуя, что еще немного – и ее мозг взорвется от напряжения.

Спасение пришло с неожиданной стороны. Наглый старый «опелек» вывернул у нее перед самым носом, и она раздраженно нажала на клаксон. Дедуля, похоже, еще более древний, чем его потертая временем машина, повернул голову и неожиданно тепло и чисто улыбнулся.

Это длилось лишь мгновение, но и его хватило, чтобы Александру «отпустило». Она вдруг услышала смех своих детей, которые устроили веселую возню на заднем сиденье, увидела светлый вечер, и вереница машин уже не казалась ей такой нескончаемой. Раздражение испарилось. К дому матери она подъезжала в благодушном настроении.

Что сразу бросилось в глаза: вокруг дома не оказалось снега. И дорожки тоже были все чисты.

– Мам, – спросила Александра, переступив порог, – ты что, сама снег чистила?! Тебе же нельзя!

Зоя Павловна отличалась прижимистостью и на то, что можно, по ее мнению, сделать самой, деньги тратить не любила.

– Не болтай ерунды, с чего бы я стала лопатой грести?! Человека наняла. От тебя же помощи не дождешься!

Александра предпочла промолчать и не напоминать, что на прошлой неделе два раза предлагала расчистить дорожки и получила отказ. Спорить с матерью – себе дороже: все рав-

но ее не переубедишь. Да и душевное равновесие, с таким трудом обретенное, жаль было портить.

* * *

В столовой уже сидели подруги матери. С одной из них – Инной Бабиной – Зоя Павловна училась в школе. Со второй – Нелли Рудиной – долгое время работала в школе, и их дружба была одновременно и вечным противостоянием «физиков» и «лириков»: Нелли преподавала детям физику, отрицала Бога и все сверхъестественное. Зоя Павловна с тем, что Бога нет, не спорила, но всегда добавляла: «Но какая-то сила все-таки есть!»

На что Нелли обычно ехидно фыркала и кривила в усмешке губы.

– Ой, кто это приехал, – засюсюкала Инна Семеновна, – Сашенька с детками!

Александра внутренне передернулась – она не выносила, когда ее так называли, да и фамильярного обращения не любила. Но внешне виду не подала – старый человек, что с нее взять.

– Здравствуйте, Нелли Олеговна. Здравствуйте, Инна Семеновна. Как поживаете?

Бабина только открыла рот, чтоб подробно рассказать, как у нее обстоят дела, но Нелли тут же ловко подцепила ее под руку.

– Пошли. Зое надо на кухне помочь.

И подмигнула, уходя. На что Александра ей ответила благодарным взглядом.

Алиса с Митей моментально испарились, скрывшись в своих комнатах на втором этаже, и Александра пошла на кухню. Там уже в полную силу полыхал спор.

– Нет, Нелличка, ты не понимаешь, – терпеливо внушала Инна Семеновна. – Главное в мире – любовь. Любовь – это и есть Бог!

– Инна, не уводи разговор в сторону. Ты мне собиралась привести доказательства существования Христа. Вот, пожалуйста, и доказывай.

– Ты безбожница! Как можно сомневаться в этом?

– Язычница я. А это не имеет ничего общего с безбожием. Ты мне лучше вот что объясни: почему такая набожная православная как ты занимает на полном серьезе астрологией? Вам разве религия этим заниматься позволяет?

Лицо Инны Семеновны тут же собралось в плаксивую гримасу. Она встала и, взяв сумочку, дрожащим голосом произнесла:

– Я совсем забыла, мне сегодня сторожа надо в детском саду подменить. Я пошла.

Зоя Павловна, которая резала сыр и на распри своих подруг внимания не обращала – они были привычны, подняла голову и удивленно спросила:

– Инна, ты куда? А как же години Ильи? Ты же сама гово-

рила, что годовщину смерти надо обязательно отмечать, потому что это рождение христианина для новой лучшей жизни!

– Я не могу, извини, – Инна Семеновна высвободила ладонь из рук Зои Павловны и поджала губы. – Мне действительно надо идти.

Она быстро, насколько позволяла ее грузная комплекция, пошла к выходу из дома.

– Лицемерка! – бросила ей вслед Нелли.

* * *

– Ну вот, – расстроено сказала Зоя Павловна, вернувшись из прихожей, где она тщетно пыталась уговорить Инну остаться. – Ничего не помогло, она ушла.

– Скатертью ей дорога. Я тебя не понимаю, Зоя, ты что, не видишь, насколько она лжива и завистлива? Мне кажется, она даже рада была, когда с Ильей несчастье произошло.

– Ты говоришь страшные вещи, Нелли.

– А ты привыкла прятать голову в песок.

После этих слов Зоя Павловна бросила короткий взгляд на Александру: не слышала ли она. Дочь предпочла сделать вид, что занята выбором салфеток, и, вытащив из ящика стола ярко-малиновые с золотым тиснением, моментально улизнула.

Инну Семеновну, попавшую под «каток» по имени Нелли

ли Олеговна, ей стало жалко, но лишь чуть-чуть. Последнее время она сильно изменилась, и Александра, сталкиваясь с ней, каждый раз недоумевала: а та ли это женщина, что была раньше? Может, ее подменили злобные тролли, но этого никто вовремя не заметил?

Хотя потом она одергивала себя, вспоминая, что «заскоки» у Инны Семеновны начались после смерти ее мужа. Это случилось, когда ей исполнилось всего сорок два. Не старый еще мужчина – ему на тот момент было пятьдесят шесть – скончался от мгновенной остановки сердца. Жена даже не успела ничего понять. Только что они занимались любовью, он застонал, а потом вдруг замер и завалился на бок с открытым ртом. Инна даже подумала, что он так неудачно шутит. Но когда стала его шутливо тормошить, чтобы вытащить из-под него свою ногу, поняла, что не может сдвинуть его с места. Муж Инны Семеновны был человеком грузным, но сейчас ей показалось, что он стал еще тяжелей.

Конечно, она испугалась. Вызвала тотчас же «Скорую», а когда та приехала, то констатировала смерть.

После этого Инна начала тихо сходить с ума. Она очень переживала, сильнее всего ее тяготила мысль, что теперь до конца жизни она останется одна. То, что у нее есть взрослая дочь, ее успокаивало мало. Дети, как известно, вырастают и вылетают из гнезда, и иногда даже с внуками бабушкам не дают играть.

Инна Семеновна бродила по форумам и очень радовалась,

когда ей удавалось кого-нибудь собой заинтересовать. Правда, на аватаре у нее была изображена юная дева, а ник она себе взяла «нетривиальный» – Инна. Плюс мимоходом брошенные слова, из которых можно было понять, что посетительница молода и хороша собой, и отбою от поклонников просто не стало.

Два раза случились накладки. Придя на свидание и столкнувшись с Инной Семеновной – постаревшей до срока и разительно не похожей на свой виртуальный юный образ, поклонники не могли скрыть разочарование. И после этого она стала бояться встреч с реальными мужчинами. Спасение явилось в виде престарелого поэта. Не богат, не хорош собой, не удачлив, казалось, его характеристика состоит из одних «не». Но для Инны, сотканной из комплексов, это было как музыка. Она влюбилась словно девчонка, часами просиживала в аське, вызывая тем самым раздражение дочери, посылала эсэмски, если друг не выходил на форум, и звонила, если не получала от него ответа.

Самое страшное для Инны было не дозвониться. Тогда она рыдала на кухне, уткнув лицо в ладони, и ни в чем не находила успокоения.

Она все-таки взяла его измором, своего виртуального поэта. Приехала к нему в Дрезден, прожила две недели. Когда пришло время уезжать, взяла с него слово, что он приедет к ней и они поженятся.

Спустя год, благодаря ее настойчивости, они действитель-

но зарегистрировали брак, но в их отношениях ничего не изменилось. Они по-прежнему общались по АйСиКью, она писала из Москвы, он – из Франкфурта. А когда он уходил спать, сославшись на усталость, она плакала в одиночестве.

Ее престарелый поэт жил в Германии на пособие и не хотел ничего в своей жизни менять. И ему, неработающему негражданину, не полагалось иметь жену из России.

* * *

– Садимся. Александра, где дети? Зови их за стол!

Зоя Павловна суетилась, выставляя последние яства, а Нелли Олеговна, накинув полушубок, вышла покурить во двор.

Вернувшись, она с порога сказала:

– Мне вспомнился день похорон, и как я о смерти Ильи узнала. У меня было жуткое потрясение. А как ты, Зоя? Наверное, не поверила сначала?

Зоя Павлова подняла на нее недоумевающие глаза. Потом, подумав, пожала плечами:

– Я не помню, у меня, видно, провал в памяти. До смерти Ильи события помню, время после похорон – тоже. А все, что случилось между этим – нет. Вместо воспоминаний у меня черное пятно.

– Мама была в шоке, – сказала Александра. – Я даже боялась, что это скажется на ее здоровье. Дала ей успокоитель-

ное, потом – снотворное, и только после этого она уснула.

– И я помню, бабушка была сама не своя, – серьезно добавил Митя.

– Да, а я спрашиваю: «Что с бабушкой?», – включилась в разговор Алиса, – и тогда Митя мне ответил, что дедушка ушел на небо, а бабушка сильно скучает и не может его отпустить.

Зоя Павловна всхлипнула.

– Зойка, не раскисай, все там будем, – Нелли Олеговна твердой рукой разлила водку по маленьким рюмочкам, – ну, давайте, девочки, не чокаясь.

Дальше вечер прошел без эксцессов. Зоя Павловна успокоилась, трогательно хлопотала вокруг внуков и все время улыбалась. Только в самом конце, перед отъездом, произошло нечто странное. Александра поднялась из-за стола, собираясь взять звонящий телефон, мельком взглянула в окно и вздрогнула. Ей почудилось там лицо отца. Ни слова не говоря, она бросилась к выходу, но когда открыла дверь и выбежала из дома, на улице никого не оказалось. Она в волнении походила под окнами, пытаясь разглядеть следы в доказательство того, что ей не померещился там человек, но чисто выметенные дорожки не сохранили ни единого следа.

Глава 3

Александра летела домой, как угорелая. Завтра Алисе и Мите надо в школу, а время позднее, и давно пора спать. Поглядывая в зеркало заднего вида на хитрые физиономии детей, она словно читала их мысли: «Утром мы проспим и не пойдем в школу».

«Вот почему так получается? – мрачно думала она. – Когда дело не касается занятий – они умные, любознательные и трудолюбивые дети. А как только начинается школьная рутина, так все. Приехали, стоп машина. Без контроля и шагу не ступят, чуть попустишь – будут целый день в интернете сидеть».

Она вздохнула и в который раз подумала, что гораздо легче для родительской нервной системы было бы сразу посылать детей в институт.

Дома, отправив их спать, она кинулась к компьютеру. – Это где-то должно быть, – бормотала она, – непременно должно.

Пальцы ее быстро забегали по клавишам, Александра напряженно всматривалась в экран.

Через два часа поисков и блуждания по архивам разных СМИ, куда отправлялись все старые сводки происшествий, она наконец нашла нужную:

«В Москве на Ярославском шоссе в районе Бабушкинско-

го кладбища вечером 30 ноября потерпел аварию автомобиль «Хонда». Водитель, совершая поворот на высокой скорости, не справился с управлением. Автомобиль вылетел с трассы, перевернулся несколько раз и, врезавшись в бетонное ограждение, загорелся. Прибывшие на место происшествия пожарные сбили огонь за несколько минут, но частично салон уже был поврежден. Водитель легкового автомобиля погиб».

И все. Почему Александре казалось, что она обязательно отыщет какие-то ответы на свои вопросы, она и сама теперь не понимала.

– Вот глупая гусыня, – пробормотала она, разочарованно морщась. Затем достала из сумочки телефон, включила, и из него сразу же ворохом посыпались эсмэски и сообщения о неотвеченных вызовах. Большинство из них, разумеется, было от Лямзина.

«А вот Эдику ничего не стоило бы достать для тебя нужную информацию, – ехидно напомнил внутренний голос. – И правильно сегодня маменька сказала: ты просто трусиха. Иначе бы давно с ним поговорила, а не отключала телефон».

– Я все смогу сделать сама, – строптиво сжав губы, процедила Александра.

Словно в насмешку над ней где-то во дворе захохотала птица. Кота Сильвера, который, раскинувшись на подоконнике, лениво созерцал окрестности, моментально «сдуло» с окна. Сердцем он, может быть, обладал храбрым, но

и осторожность в жизни проявлял недюжинную. Сейчас он спрятался за креслом и, опасливо высунув морду, глядел на черное окно. Александра тоже невольно посмотрела туда, и сердце бешено заколотилось. Почудились тени, шорохи, скрип снега. Она встала и осторожно приблизила лицо к стеклу. Желтый свет фонаря очерчивал ровный круг, дальше снег тонул в индигово-синих тенях. Пусто и тихо. Кажется, даже ветер затих, прислушиваясь и ожидая чего-то.

Александра зябко поежилась и плотно задернула шторы.

– Пожалуй, мне пора спать, – растерянно пробормотала она. – А завтра с утра решу, как поступить.

* * *

Это утро было не лучше и не хуже предыдущих. Единственным отличием оказался ранний звонок Лямзина: если прежде он начинал терзать телефон после двенадцати часов дня, то сегодня не дождался и девяти утра. Александра, притормозив, машинально протянула руку, собираясь ответить, но передумала.

– Рано еще ему индальгенцию получать, пусть помучается, – вслух сказала она.

Свернув к зданию Госавтоинспекции, Александра припарковала автомобиль на стоянке и быстро поднялась по ступеням к входным дверям.

Дежурный, неказистый с виду лейтенант лет двадцати пя-

ти, инквизиторским взором окинул Александру и осведомился:

– Вы куда?

– Мне к начальнику инспекции.

– Зачем?

– Я хочу узнать обстоятельства гибели моего отца.

– Для чего?

– Я его дочь. Отец погиб два года назад в дорожно-транспортном происшествии, мне важно прояснить обстоятельства его гибели.

– Зачем?

«Вероятно, у него встроенный автоответчик в голове, – с тоской подумала Александра, – или индивид на редкость несообразителен».

– Мне бы хотелось поговорить с инспектором, который выезжал на место аварии. Она произошла около Бабушкинского кладбища два года назад, – терпеливо повторила Александра, скрипя зубами от злости.

– С какой целью?

«Уже хоть какое-то разнообразие, – раздраженно подумала она, – еще часа полтора, глядишь – и до нормального диалога дойдем. А там, к вечеру, Бог даст, он меня и к инспектору пропустит».

Как выяснилось тут же, ее надежды оказались напрасны.

– Посылайте официальный запрос, – равнодушно буркнул дежурный и отвернулся.

Александр хотелось зарыдать. Она вылетела из помещения и трясущимися руками зашарила по сумочке в поисках сигарет, совсем забыв, что давно бросила курить. Не найдя, нервно оглянулась по сторонам и, увидев группу мужчин, ныло стоявших в отдалении, подошла к ним.

– Извините, у вас сигареты не найдется?

Один из парней тут же протянул ей «Парламент» и, сочувственно посмотрев на ее дрожащие руки, спросил:

– На лейтенанта Приходько, наверное, нарвались? Этот никогда ничего миром не решит, обязательно до скандала доведет.

Александра тоскливо взглянула на него и спросила:

– И как же мне поступать?

– Вы с ним поругались?

– Нет.

– Тогда попробуйте подойти еще раз, попросить. Может, он подбреет. Но если вы, девушка, хоть чуть голос на него повысили, или он почувствовал себя уязвленным, то ни за что не простит. И обязательно отомстит. Тогда лучше в его смену больше не приходите, ждите, когда дежурный сменится.

– Да он, получается, монстр какой-то.

– Не монстр, а злобный тролль, – хихикнул парень. – Да не расстраивайтесь вы так, попробуйте еще раз поговорить.

– Нет уж, спасибо, на еще один разговор с лейтенантом Приходько меня больше не хватит. И благодарю за сигарету.

Она попросилась и торопливо пошла к своей машине. И только там, сев за руль и ткнув окурком в пепельницу, наконец успокоилась, откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза. Посылать официальный запрос по совету вредного лейтенанта Приходько ей совершенно не хотелось, да она и не знала, как это делается.

Когда холод начал заползать под одежду, она встрепенулась и завела мотор. Приятное тепло обволокло ноги. Быстро, чтобы не передумать, она схватила телефон и набрала номер.

– Александра? Очень рад! – тут же ответила трубка голосом Лямзина. – А я как раз собирался тебе звонить.

Она перевела дух. То, что он явно обрадовался ей, а не взял дежурно-приветливый тон, или обиженно-высокомерный, было приятно. От нахлынувших эмоций у нее слегка закружилась голова, и она ответила несколько холоднее, чем хотелось бы:

– Да?! А зачем?

– Как, ты разве не слышала последние новости? – озабоченно спросил Лямзин, не обращая внимания на ее тон.

– Нет. А что передавали?

– Так ты еще ничего не знаешь! – нервно заорал в трубку Лямзин. – Где ты сейчас? Быстро, конкретно место называй!

– Я около ГАИ, – дрожащим голосом испуганно ответила она, – на улице Вешних вод. Да что происходит, ты можешь объяснить?

– Никуда не уезжай, стой там, я скоро буду!

Столпись вокруг нее сейчас гуманоиды или громадные обезьяны, подобные Годзилле, количеством штук пятьдесят – она бы уже ничему не удивилась. Если Эдуард Петрович Лямзин, не помня себя, орет страшным голосом в трубку, значит, произошло что-то очень серьезное.

Александра пугливо обернулась по сторонам. Ей подумалось, что улица странно пуста. Молодая женщина пробежала с коляской, свернула в ближайшую подворотню. Инвалид выехал из-за угла. Два подростка торопливо скрылись за дверями магазина. И это в разгар дня.

«Пожалуй, фантастические чудовища – это еще не самое страшное, что может быть, – подумала она. – К примеру, страшнее всего ядерная зима. Ох, надо прекращать начинать день с интернета. Совсем нервы расшалились».

Бывают в жизни моменты, когда ничего хорошего от нее не ждешь, и тогда любая сказанная кем-то чушь кажется правдой. Встав утром в дурном настроении и открыв страницу электронных СМИ, начинаешь верить, что конец света близок, следующее лето окажется аномально жарким, зима – небывало холодной, доллар скоро рухнет, и весь мир непременно накроет хаос. И счастья уже не будет никогда. Но стоит вектору настроения смениться на противоположный, и все покажется глупостью и чепухой, а былые волнения пустячными.

Лямзин лихо затормозил рядом с ее автомобилем, выскочил из него и почти побежал к машине Александры. Она навстречу ему открыла дверь, собираясь выйти.

– Что случилось? – тревожно спросила она. – Что-то очень плохое? Эдик, у меня дети одни, мне срочно нужно ехать к ним.

– Подожди, – прошептал он, нежно обнимая ее за плечи. – Я хочу сказать, что люблю тебя.

– Ненормальный, ты меня испугал! – Александра попыталась вырваться из его объятий, но он только сильнее сжал ее.

– И я никуда тебя не отпущу.

Он притянул ее к себе и поцеловал. Отпустил, только когда она перестала вырываться и затихла. Он бережно помог ей сесть на сиденье автомобиля, сам сел рядом и спросил:

– Ответь на один вопрос что я сделал такого, чего ты не можешь мне простить? Только без эмоций, трезво оценивая прошлые события.

Александра смотрела в его синие глаза и чувствовала, что все ее сильные аргументы и веские доводы куда-то улетучились. И ей совсем не хотелось снова их искать.

– Похоже, я схожу с ума, – пробормотала она.

– Это не страшно, сейчас нормой считается пограничное состояние. Итак, ты не делаешь резких движений, дышишь

ритмично: вдох-выдох, вдох-выдох. Обещаю, тебе обязательно полегчает.

– Из-за тебя моя подруга погибла, – пожаловалась Александра.

– Посмотри на меня, – он взял ее лицо в ладони и осторожно повернул к себе. – Ты сама веришь в то, что говоришь? Я ведь не Господь Бог, и не в моих силах спасти чью-то жизнь, если человек решил умереть. Мы все на своем пути делаем выбор, и иногда он оказывается неверным.

Александра молча кусала губы.

– Да, ты прав, – наконец выдавила она, – мне было проще найти виновного в ее смерти, чем смириться с тем, что она покончила с собой.

– Полагаю, я прощен. Да? – он мягко улыбнулся.

Она кивнула.

– Да.

– Тогда давай к делу. Без причины в автоинспекцию, как я понимаю, никто не приезжает. Тебе моя помощь нужна?

– Да. Сапоги-скороходы мне, пожалуйста, и парочку дымовых шашек.

– Зачем?

– Чтобы напустить туману и проскочить мимо злобного тролля, который там, на входе, стоит.

– Это лишнее. Есть средство гораздо лучше.

– Да? Это какое же, интересно?

– Доброе слово, разумеется, – хохотнул Лямзин. – Ну-ка,

пошли.

Он прошел вперед и поманил ее за собой.

Александра закрыла машину и поспешила за ним. Она считала, что такие «лейтенанты Приходьки» непобедимы и у Лямзина нет шансов. Но посмотреть на «цирк» все же было занятно.

– Коротко обрисуй мне суть дела, – бросил на ходу Эдуард.

– Я хочу узнать подробности гибели моего отца, – Лямзин шагал размашисто, и Александре приходилось почти бежать за ним, от чего речь ее все время прерывалась. – Он погиб в автокатастрофе два года назад. Однако сейчас у меня есть основания считать, что он жив. Но это между нами. Мне бы не хотелось о своих подозрениях рассказывать в полиции.

Кивнув, Эдуард направился к двери, но едва Александра двинулась за ним, как он повернулся и сказал:

– Подожди меня здесь, я скоро выйду.

Вместо того чтобы послушно ждать, она все-таки направилась к двери в надежде рассмотреть, как будет происходить укрощение лейтенанта Приходько. Но к ее глубокому разочарованию ничего особенного не произошло. Лямзин вошел и, не глядя, бросил в сторону дежурного: «Я к полковнику Иванову». И все!

– Однако, – разочарованно протянула Александра, – хотелось увидеть более глобальное сражение. Все-таки мне он голову минут десять морочил.

Впрочем, от нее не укрылось, что «тролль» вполне умеет натягивать на себя человеческую маску. Ну вот может же, когда хочет!

Она легко сбежала вниз по ступенькам, спрыгнула с последней и подняла вверх лицо. Небо было безоблачным, воздух – чистым, и вообще все казалось удивительным и прекрасным.

Странно, как меняется все вокруг, когда в душе поселяется покой. И воздух кажется прозрачней, и небо чище, и люди такие милые и добрые. Она слепила снежок, и пульнула им в дерево, раскинувшееся неподалеку.

Сидевшая на ветке ворона каркнула и вспорхнула, осыпав с нее снег.

* * *

К счастью, Лямзин не заставил себя долго ждать. Вскоре он вышел из здания и поманил Александру за собой.

– Сейчас мы вместе зайдем туда, – спокойно сказал он, – выберем место где-нибудь у батареи, мне кажется, ты замерзла...

– Нет.

– Ну нет, так нет. Все равно постоим у батареи, и ты мне быстро изложишь все, что раньше говорила. Но с некоторыми подробностями и уточнениями. Годится?

– Да. А затем?

– Все вопросы после. Пошли.

Мимо лейтенанта Приходько они прошли очень быстро, не останавливаясь, и, насколько Александра успела заметить, он проводил их подобострастным взглядом.

Свернув направо, они остановились у окна. Лямзин быстро скинул пальто, помог раздеться Александре и, свалив одежду на подоконник, достал блокнот.

– Давай говори.

Александра наморщила лоб и старательно, как ученица, продиктовала все, что смогла вспомнить.

– Достаточно. Остальное по ходу дела уточню. Сейчас мы войдем в кабинет, и там буду говорить только я. А ты должна молчать. Это понятно?

– Нет. Почему я должна молчать?

– Чтобы не сболтнула лишнего. Поэтому без команды – ни-ни.

– Ладно, – поморщилась Александра, – как с собакой прям: «Без команды голос – не подавать».

– Вот умница, я рад, что ты так хорошо все понимаешь. Значит, повторяем: если что-то потребуется уточнить, я так прямо и спрошу. Если же я вопроса не задал, но вдруг что-то произнес, по твоему мнению, не соответствующее действительности, не надо влезать в разговор и меня поправлять. Без самодеятельности, то есть.

– Да поняла я, поняла, – обиделась Александра. – Что я маленькая, что ли?!

– Лишний раз напомнить не помешает, – парировал Лямзин.

У него как раз об Александре именно такое мнение и составилось – взбалмошный и немного капризный ребенок. Но если бы он ей честно об этом сказал, новой ссоры было бы не избежать. Между тем он слишком дорожил отношениями с Александрой, чтобы поставить их под удар. Впрочем, именно то, что с ней не соскучишься, ему и нравилось.

Поднявшись по лестнице к кабинету начальника отдела, Лямзин прижал палец к губам, напоминая, что нужно молчать. Александра согласно кивнула. Он отстучал веселую дробь и, толкнув затем дверь, весело произнес:

– Здравствуй, Саша! Уделишь нам пару минут?

Полковник Иванов оказался симпатичным крепким мужчиной лет сорока двух-сорока пяти с легкой проседью в смоляных волосах. Он вскочил со своего места и радостно бросился навстречу Лямзину.

– Эдик, рад тебя видеть! Очень рад. Мне секретарь доложила, что ты здесь, поэтому я ждал. Где ты пропадал?! Со всем забыл старых друзей!

Они тепло обнялись, потом Лямзин посмотрел на Александру и сказал:

– Саша – мой близкий друг. – И, повернувшись к Иванову, добавил: – Кстати, она твоя тезка – Александра. Тоже мой друг.

– Друг? – лукаво улыбнулся Иванов. – Или все-таки по-

друга?

– Друг. Близкий и надежный. Саша, мне нужна информация по одному делу двухлетней давности, причем максимально полная. Желательно с подробностями, которые обычно ни прессе, ни родственникам не сообщают.

Иванов смущенно крикнул и опасливо покосился на Александру.

– Тебе нужна или другу?

– Мне, – уверенно ответил Лямзин. – Но друг имеет к этому прямое отношение.

– Ага. Ну ладно. Давай излагай.

Эдуард достал из кармана блокнот, куда недавно записал все, что сообщила Александра, мельком глянул в него и начал рассказывать на память.

– Два года назад, вечером 30 ноября, на территории, прилегающей к Бабушкинскому кладбищу, произошла авария со смертельным исходом. От удара о бетонное ограждение автомобиль вспыхнул, подъехавшие пожарные довольно быстро потушили его, но водитель почти полностью обгорел. Родным на опознании предъявили вещи потерпевшего: рубашку, запаянную в целлофановый пакет – погибший забрал ее из стирки, куда отдавал накануне, и шелковый светлый шарф. И то и другое почти не пострадало. Рубашка лежала у тыльного стекла автомобиля, а шарф – на заднем сиденье. Поскольку генетическая экспертиза не проводилась, а у обгоревшего человека к тому же от удара было сильно повре-

ждено лицо, вполне возможно, что при опознании произошла ошибка. Единственное, что определенно могут утверждать родственники: покойный был примерно того же роста. Поэтому мне бы хотелось поговорить с инспектором, который выезжал на место аварии, как его имя, фамилия. В общем, мне нужно все, что только есть по этому делу.

– Та-а-ак, – задумчиво протянул Иванов, – два года назад, говоришь... Регистрационный номер, марка автомобиля и цвет?

– А я не сказал? «Хонда Аккорд», цвет Монте-Карло, госномер... – Лямзин посмотрел в блокнот, – Д756МАИ.

– Хорошо, вы пока подождите здесь, я сейчас приду. – Уже в дверях полковник обернулся и спросил: – Чай, кофе будете?

Лямзин вопросительно посмотрел на Александру.

– Кофе, если можно, – кивнула она.

– Мне тоже, – сказал Эдуард.

Иванов исчез за дверью, и вскоре в кабинете появилась секретарь с подносом, на котором стояли две дымящиеся чашки кофе и ваза с шоколадными конфетами.

– Тебе «Мишку на севере» или «Белочку»? – деловито спросил Лямзин.

– Мне «Каракум».

Александра протянула руку и взяла конфету.

Лямзин откинулся в кресле и принялся за ней наблюдать. Мало того, что он с жадностью следил за каждым ее жестом,

он настолько этим увлекся, что напрочь забыл о кофе.

Александра отправила конфету в рот, покосилась на Лямзина и, глотнув, ехидно сказала:

– У тебя сейчас такое выражение лица, будто тебе не терпится узнать, превращусь ли я после энного количества конфет в лягушку или нет.

Он засмеялся.

– Я просто соскучился. Очень сильно. Обещай мне...

Договорить он не успел: распахнулась дверь, и вошел полковник Иванов.

– Вам повезло, – с порога начал он, – на то ДТП выезжал инспектор Кравченко, он сейчас в отделе. Через пятнадцать минут будет здесь, и мы узнаем все, что он сможет по этому поводу рассказать.

У Александры вдруг, то ли от переизбытка эмоций, то ли от расслабляющего тепла, слегка закружилась голова. Она откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза.

Наблюдать из-за полужакрытых век за Лямзиным было забавно. Она видела, как он смеется, как разговаривает и как эмоционально жестикулирует, что-то рассказывая. Невзирая на свое полудремотное состояние, она поняла, что сначала речь шла о рыбалке, потом плавно перетекла к охоте, а когда мужчины стали обсуждать, какое оружие лучше – болтовик, штурцер или полуавтомат, и вовсе перестала их слушать.

Вскоре появился инспектор.

– Разрешите? – Майор замер на пороге. Рыжее от весну-

шек лицо его было напряженным, хотя он и пытался тщательно скрыть волнение.

– Да, Василий, заходи. Познакомься – это подполковник Лямзин Эдуард Петрович из МУРа. А интересует нас вот что. Два года назад в ноябре, вечером тридцатого числа, ты выезжал на ДТП со смертельным исходом. Мужчина на «Хонде Аккорд», цвет Монте-Карло. Помнишь?

Инспектор кивнул:

– Да, что-то такое припоминаю.

– Так вот, нам хотелось бы знать подробности.

Инспектор заговорил торопливо, словно боялся, что его перебьют:

– Там отказной материал. Авария с участием одного автомобиля, водитель погиб: врезался в бетонное ограждение. Хотя давно это было, я могу ошибаться, но помнится, водитель был пьян...

– Папа не пил, – тихо сказала Александра, открывая глаза и выпрямляясь.

– ... в салоне сильно пахло спиртным, так мне запомнилось. Конечно, лучше уточнить у следователя, обнаружен ли при вскрытии алкоголь в крови. Да, и в аварии признан виновным сам водитель.

Выслушав внимательно инспектора, полковник спросил:

– На что еще ты обратил внимание? Было ли нечто такое, что не вписывалось в общую картину?

Глаза инспектора погрустнели, он тяжело вздохнул и не

слишком охотно сказал:

– Я приехал первым, из официальных лиц больше никого не было. Пожарная машина подъехала довольно быстро, но труп уже сильно обгорел. А вот что показалось мне странным – один ботинок, кажется, правый, оказался на пассажирском месте. Ну понятно, произошел сильный удар, но как может обувь так легко с ноги слететь? Я указал следователю на это, но тот только плечами пожал. Больше ничего сказать не могу. Пожар хотя и быстро потушили, но все-таки спереди салон машины огнем сильно повредило.

– Это все? – уточнил Иванов.

– Все, – развел руками Кравченко. – Вам лучше со следователем Фрименом поговорить, у него должно быть больше информации. Он и «отказное» может поднять из архива.

– Спасибо, Василий. Можешь идти, – сказал полковник и вопросительно посмотрел на Лямзина. – Ну что, помог рассказ майора чем или нет?

– Пока определенно трудно сказать, но с ботинком весьма интересно. Попробую поработать в этом направлении. Потерзаю расспросами следователя Фримена.

* * *

Когда они вышли из кабинета полковника Иванова, Лямзин обратился к Александре:

– Устала? Поедем к следователю сейчас или отложим на

другой день?

– Нет! Что ты, какой другой день?! Ты не представляешь, как я жалею, что не сделала этого раньше. Но мы с мамой были в таком шоке, и нам столь убедительные привели доводы в пользу того, что погиб именно мой отец...

– Машина, как я понял, была его. Так? – Лямзин взял из рук Александры ее пальто и помог ей его надеть.

Она благодарно улыбнулась.

– В том-то и дело: машина принадлежала отцу, погибший находился на водительском сиденье, лицо сильно разбито, да еще и обгорело. Что мы могли при опознании разобрать? Хотя на меня гораздо большее впечатление произвели вещи, которые нам вернули. Шарфик шелковый – я сама отцу его дарила, и рубашка фирменная, которую отец в тот день должен был из прачечной забрать. Он обычно, когда садился в машину, пальто и шарф снимал и назад на сиденье бросал. Когда пальто нам не отдали, я просто решила, что оно сильно обгорело, – от пришедшей внезапно мысли, она обескураженно посмотрела на Лямзина. – Кстати, а почему нам не отдали пальто?

Они подошли к выходу, и Лямзин открыл перед Александрой дверь.

– Может быть, оно действительно сгорело?

– Пальто сгорело, а шарф – нет? Странно...

– Знаешь, давай-ка мы не будем гадать и спросим обо всем у следователя. Лучше расскажи, что заставило тебя спустя

два года начать поиски отца?

– Разве я не говорила тебе? У меня все время было такое чувство, будто он жив. Но я относилась это на счет того, что не могу смириться с его смертью. А две недели назад я столкнулась с ним нос к носу...

– Вот как? Но это же меняет дело, может, мы вообще не с того края заходим?

– Постой, не торопись делать выводы. Я увидела его на улице, издали. Сразу пошла навстречу. Отец как раз вышел из такси и расплачивался с водителем. Когда я оказалась совсем рядом, он повернулся и мы встретились с ним глазами. Понимаешь, – эмоционально воскликнула Александра, – мне кажется, что он узнал меня! И тогда у него не потеря памяти, и это однозначно был не его двойник, а он сам. Но потом отец сразу отвернулся и скрылся в толпе. Эдик, он просто ушел, будто меня и не видел!

У нее на глазах появились слезы.

– Но, – осторожно протянул Лямзин, – возможно, это все-таки ошибка?

Они подошли к своим машинам и стояли, разговаривая, около них.

– Вот ты как моя мама! Когда я ей все рассказала, она тоже отрезала: «Невозможно. Он мертв». А вечером мне на электронный ящик пришло письмо. Вроде бы от отца...

– Почему – «вроде бы»?

– Потому что ничего конкретного, из чего я могла бы за-

ключить, что это пишет именно мой отец, и никто другой, в нем не было. Просто он сообщил, что жив, но пока не может появиться.

– Хм, интересно, – задумчиво протянул Лямзин. – А до-словно текст помнишь?

Александра безнадежно махнула рукой:

– Да ничего особенного. «Я сейчас не могу всего расска-зать тебе, но придет время, и ты узнаешь. Помни, я люблю тебя». И все. Такое письмо мог написать любой, кто знает, что у меня погиб отец. Если бы там было хоть какое-то под-тверждение того, что это именно он!

– Значит, так. Сейчас ты садишься в машину и едешь за мной. Я поеду медленно, чтобы ты не отстала. Навестим сле-дователя Фримена.

Александра с готовностью кивнула.

– Хорошо. Только, пожалуйста, не спеши. Знаю я, как ездить в связке: первый светофор проскочил, а второй не успел. И потом уже черта с два догонишь.

– Без паники, – ухмыльнулся Лямзин. – Если отстанешь – звони на мобильник. Я вернусь.

Александра скептически сказала:

– Смотри-ка почаще в зеркало заднего вида, провожатый. А то – «вернись!», – иронично передразнила она его. – Луч-ше не теряй!

Следователя Фримена они застали попивающим чаек из чашки с кокетливыми заячьими ушками. Блестящая лысинка Алексея Карповича была окаймлена темно-русым, завитым в мелкий барашек венчиком, длинный хрящеватый нос нависал над узкими губами пессимиста, а маленькие, глубоко посаженные глазки его казались подслеповатыми и полусонными.

Впрочем, это впечатление скоро испарилось. Стоило только Лямзину задать вопрос о водительском полуботинке, оказавшемся на месте пассажира, как глаза Фримена сразу покабанились и насторожились.

– Какой такой ботинок? Вы что думаете, я могу помнить детали двухлетней давности аварии? – пошел он в атаку.

Лямзин примирительно улыбнулся:

– Конечно, нет. Я на всякий случай спросил, поскольку нам важно все, что известно об этом деле.

Фримен сразу стих. Он открыл ящик стола, достал оттуда ежедневник, полистал его, положил обратно и вынул другой.

– В ночь тридцатого ноября, – задумчиво бормотал он, перелистывая страницы, – два года назад... Что-то у меня было в тот день такое... А вот, вспомнил. У меня тогда во дворе собственного дома с автомобиля сняли зеркала. Я был страшно зол, опоздал из-за этого на работу. А когда приехал

на место происшествия, первым делом обратил внимание на цвет автомобиля. Очень похож на мой. Так что вот запомнилось.

– Причины аварии помните?

– Да там все элементарно. Водитель не справился с управлением, и автомобиль занесло на повороте. К тому же мужчина был пьян. После, если мне память не изменяет, и результаты экспертизы это подтвердили.

Александра уже открыла рот, чтобы опять, как и в кабинете полковника Иванова, сказать, что папа не пил, но взглянула на Лямзина и прикусила язык.

– Чем была вызвана гибель водителя?

– Полученными при аварии травмами, – равнодушно пожал плечами следователь и брезгливо поджал губы. – Можете не сомневаться, все чисто: отказной материал не просто так возник.

– Да, но... – все-таки не выдержала Александра, но Лямзин так глянул на нее, что она сразу замолкла.

– Мне бы хотелось знать причины, которые привели к такому исходу. Понимаете, это личное: погибший мой родственник.

Фримен откинулся в кресле и иронично скривил губы так, что они стали похожи на лук, перевернутый рогами вниз.

– Что ж вы раньше не побеспокоились, родственник?

– Знаете, в наше время, имея доступ к электронным базам данных, родство гораздо проще установить, чем когда тре-

бывалось для этого лично ехать на место и перебирать ворох бумаг. Я узнал, что это мой родственник недавно.

– А, ну понятно, – равнодушно бросил Фримен. – Приезжайте ко мне послезавтра с запросом. Я к тому времени подниму из архива дело, и вы сможете снять копии всех документов.

– Спасибо, Алексей Карпович. Непременно.

* * *

Когда они вышли из кабинета, Александра, не выдержав, зашипела на Лямзина:

– Почему следователь так себя ведет? По-моему, он намеренно темнит! Он совершенно никак не отреагировал на твой вопрос о ботинке, соскользнувшем с ноги водителя и оказавшемся почему-то на пассажирском месте!

Лямзин засмеялся.

– А что, должен был?

– Конечно! Инспектор Кравченко уже помнил!

Лямзин опять засмеялся:

– Ты прелестна в гневе. Вот думаю, успокоить тебя или еще подразнить, чтобы насладиться зрелищем?

– Болван, – она оттолкнула его и пошла вперед.

Эдуард, посмеиваясь, шел за ней следом.

Александре всегда было трудно ориентироваться на местности и потому, выйдя из здания, она растерянно огляну-

лась. Спрашивать, куда дальше идти, не стала из строптивости: повернула, куда показалось более верным.

– Эй, не туда! – тут же окликнул ее Лямзин и, подбежав, взял за локоть.

– Странно, – пробормотала Александра, – а меня почему-то тянет именно налево.

– Борись с собой.

Он повел к оставленным в соседнем дворе машинам. Разумеется, двор находился в противоположной стороне от той, куда она направилась первоначально.

– Но все-таки почему Фримен так себя вел? Я не услышала от тебя объяснения.

– Потому что ты не стала слушать, а я уже почти готов был тебе рассказать. Но ты меня перебила, да еще и обозвала при этом болваном, – он рассмеялся.

– Ладно, я неправа. Ты не болван, а негодник. Изощренно играешь на моих нервах.

– На самом деле все очень просто: Кравченко – инспектор, и его память профессионально натаскана на технические детали. Для него авария, обстоятельства гибели пассажиров – это как для стоматолога полость рта или шов от аппендицита для хирурга. А Фримен – следователь, у него масса дел одновременно. Для него это текучка, рутина. Ну вот так в общих чертах. Понятно?

– В общих чертах – да. Но все равно он мне не понравился.

– Это дело вкуса. Слушай, а ты сейчас куда? Может, по-

завтракаем вместе?

– О, нет. Мне на работе надо появиться, там меня уже заждались.

– Ну как хочешь, – Лямзин безучастно посмотрел на серое зимнее небо, и Александра почувствовала себя неловко.

– А давай вечером у нас? Приходи, близнецы будут рады. Митя все время спрашивает, когда же ты придешь и научишь его драться нунчаками. Правда, он и сам уже пробует, чуть не разбил вчера вазу. А Алиска, похоже, немного в тебя влюблена. Она сначала красится, а потом спрашивает, не собираешься ли ты приехать.

– Вот как, – засмеялся Лямзин. – Пожалуй, я куплю ей в подарок что-нибудь из подростковой косметики. Или ты против?

Александра пожала плечами:

– У нее все есть. Сначала я пробовала ей запретить краситься, а потом поняла, что это себе дороже. Все равно она купит какую-нибудь дрянь и намажется, а у меня нервы в очередной раз будут потрепаны. Я и подарила ей косметику в стиле а ля натурель и книгу по искусству нанесения макияжа. Теперь все в порядке – и Алиса «сыта», и у меня голова не болит.

– Тогда что ей подарить?

– Если честно – не знаю. Мне легче Мите выбрать подарок, чем Алисе.

– Ладно. Я что-нибудь придумаю сам.

Глава 4

Два года назад. 25 – 30 ноября

Красная божья коровка торопливо перебирала ножками, норовя спрятаться подальше от следящих за ней глаз. Илья подставил руку, предлагая забраться на нее, но коровка затихла, выжидая.

– Красивая. Откуда ты взялась здесь среди зимы? Не иначе как с фруктами прилетела, – он взял листок бумаги, лежащий на серванте, и поддел им букашку. – Иди сюда...

Но едва лист коснулся ножек божьей коровки, как она расправила крылышки и взлетела к потолку.

Илью почему-то охватила досада.

Он положил листок обратно на старинный сервант, мельком отметив, что это чек из какой-то мастерской, и прошел к столу. Хозяин дома был невероятно старомоден. Квартира выглядела так, будто на дворе не двадцать первый век, а середина девятнадцатого. Конечно, этому способствовало и обилие антикварных вещей, и убранство комнат – стены, затянутые белым штофом в витых золоченых рамах, и двери, украшенные десюдепортами – панно, расположенными над входом, с причудливой барочной резьбой. Тяжелые бархатные шторы на шелковой подкладке наверняка почти не пропускали свет. Но сейчас они были широко раздвинуты и подвязаны витыми шнурами с крупными массивными кистями.

На небольшом бюро у окна лежал резной перламутровый нож. Рукоять ножа была выполнена сверху в виде двух переплетающихся драконов, под ними причудливой вязью шли иероглифы. По центру ее украшал изящный золотой поясok с бриллиантовой крошкой. Один из иероглифов Илья знал хорошо, он означал «опасность». Второй вроде бы читался как «покой». Рядом лежал и футляр для ножа: с твердым кожаным покрытием снаружи, изнутри он был выстлан алым бархатом и атласом.

– Любуетесь? – раздался рядом скрипучий старческий голос. – Это нож моего прапрадеда. Между прочим, середины девятнадцатого века изделие. Дед привез его из путешествия по Японии и с тех пор не расставался с ним. Только чудом эта прелестная вещица попала ко мне, да. Вы присаживайтесь, голубчик, заждались поди.

Хозяин жилища, Василий Савельевич Воронцовский, сухонький седой старичок, был похож на полуоблетевший одуванчик. Представлялся он всем не иначе как «князь Воронцовский», и если к нему обращались по фамилии без титула, Василий Савельич надолго обижался и замолкал. Об этом Илью Григорыча предупредили заранее, чтобы он ненароком не разобидел клиента. А еще сказали, что князь чрезвычайно разговорчив и прервать его бывает очень сложно.

И вот теперь Илья сидел и слушал историю рода князей Воронцовских, которые, по преданию, ведут свой род от самого Рюрика. И хотя никаких подлинных документов об

этом пока не найдено, раскопать доказательства – только дело времени...

Илья слушал вполуха. В генеалогии он был не слишком силен, но никак не мог избавиться от ощущения, что «князь Воронцовский» звучит как-то неправильно. Будто это опереточный персонаж, сродни князю Орловскому из оперетты Иоганна Штрауса «Летучая мышь». Известно же, что граф Орлов существовал, а князя Орловского никогда не было. Однако заинтересованное выражение лица, несмотря на свои размышления, Илья Григорьевич сохранял терпеливо, надеясь, что князю когда-нибудь наскучит говорить. Но надежды оказались напрасными: тема происхождения рода не кончалась.

Когда Воронцовский начал в подробностях рассказывать о своей многолетней борьбе с бюрократией за право беспрепятственно посещать любые архивы, терпение у Ильи лопнуло. Улучив момент, когда князь запнулся, вспоминая точную дату рождения одного из своих многочисленных именных предков, Илья Григорьевич быстро сказал:

– Это все чрезвычайно любопытно. А не тому ли вашему пращуру принадлежал крест, который мы сегодня хотим оценить?

Князь Воронцовский прекрасно понял намек и сразу поджал губы.

– Я понимаю, вам неинтересно то, что я рассказываю, молодой человек. Но что делать, вот такие мы, старики – все

нам внимания не хватает, да собеседника поотзывчивей и подороже хочется. Ладно, подождите минуточку, я сейчас вынесу крест.

Появился князь очень скоро с небольшим латунным ларцем в руках, украшенным чеканкой. Илья с удивлением глядел на старинный сундучок. И опять, в который уже раз за вечер думал, что обитель Воронцовского по количеству антикварных вещей скорее похожа на филиал музея, чем на жилую квартиру в современном доме. И в этом желании окружить себя стариной, на взгляд Ильи Григорьевича, было что-то чрезмерное, нарочитое. Слово Воронцовский хотел убедить всех, а может быть, прежде всего самого себя в своем высокородном происхождении.

Князь подошел к столу, торжественно поставил на него ларец и откинул крышку. Илья Григорьевич привстал и заглянул внутрь. Там оказалось одно-единственное украшение – византийский крест ослепительной красоты, усыпанный бриллиантами и рубинами. Он был выполнен в виде расходящихся от центрального круга четырех лучей, завершающихся лилиями. Крупный синий бриллиант помещался в центре, четыре белых, чуть поменьше, украшали лилии на концах креста, а между ними россыпью шли черные бриллианты и алые рубины. Крест был настолько красив, что даже у выдавшего виды Ильи Григорьячахватило дух.

– Такие кресты известны с одиннадцатого-двенадцатого веков, на Руси они стали широко распространены несколько

позже – в четырнадцатом-пятнадцатом. А вот эти белые полевые лилии, – Воронцовский указал на концы креста, – по-славянски назывались «крины сельные» и символически напоминали слова Христа о Своем Служении: «Я – лилия долины!» – говорил Господь. Голубой бриллиант в центре символизирует небо, черные – землю, а рубины – кровь, пролитую на полях сражений. Далекый предок был одарен этим крестом за верную службу царю, а мне он достался по наследству.

– Очень интересно. – Илья достал из футляра ювелирный монокуляр, привычным жестом вставил его в глаз и принялся изучать драгоценный камень в центре креста.

«Прозрачный синий бриллиант, – думал он, – природный Fancy Vivid Blue. Редкость несомненная. Недавно подобный был продан с аукциона «Сотбис» за девять с половиной миллионов долларов...»

Он долго разглядывал камни, украшающие крест, тщательно оценивая каждый из них. Черные бриллианты тоже оказались уникальны – прозрачные, не «отягощенные» массой графитовых включений, типа карбонадо. Разумеется, их стоимость была несколько ниже, чем у белых, но тоже достаточно высока.

Все это время Василий Савельич сидел молча, напряженно вглядываясь Илье в лицо. И только когда тот отложил в сторону монокуляр, нетерпеливо спросил:

– Ну, что скажете, голубчик? Какова цена этого волшеб-

ства?

– Учитывая стоимость каждого камня в отдельности и художественную ценность самого украшения, я бы вам рекомендовал выставить крест на аукцион с начальной ценой в пятнадцать миллионов долларов. Если понадобится моя помощь, я всегда к вашим услугам.

Сказал, и вдруг опять поймал себя на ощущении нереальности происходящего. Слишком алчно загорелись у Воронцовского вдруг глаза, когда он услышал о стоимости креста. Чересчур суетливо он попытался это скрыть, будто актер на сцене, который на мгновение вышел из роли. И это было странно – как можно владеть сокровищем и не знать даже примерной его цену?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.